

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

КАЗНАЧЕЙ ОБЩАКА

воровская
сага

PREGOLD

1988

Я – вор в законе

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Казначей общака

«ЭКСМО»

2002

Сухов Е.

Казначей общака / Е. Сухов — «Эксмо», 2002 — (Я – вор в законе)

ISBN 978-5-699-21167-8

Он был вором, а стал монахом. Но братва помнит Святого, и когда настали трудные времена, когда кто-то запустил руку в воровской общак – его позвали на помощь. Святой не мог не подчиниться решению воровского схода. Он должен отыскать крысятника. Нелегкая задача в мире, где каждый сам за себя, где никогда не знаешь, чей ствол смотрит в твою спину. Но воровская честь – дороже жизни. Это Святой знает твердо.

ISBN 978-5-699-21167-8

© Сухов Е., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	39
Глава 6	42
Глава 7	48
ЧАСТЬ 2	50
Глава 8	50
Глава 9	62
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Евгений Сухов

Казначей общака

ЧАСТЬ 1

ЗА СТЕНОЙ И НА ВОЛЕ

Глава 1

СЕКРЕТ ПЯТАКА

– О «кормушку» бился, товарищ полковник, – сообщил начальник караула прапорщик Коваль – двухметровый детина с улыбкой средневекового упыря. – В «хату», говорит, не пойду. Спрашиваю, в чем дело, а он мне талдычит, будто бы там его хотят на пикну поднять, а то и на кожаный клык посадить. Желает с вами поговорить. Я его сначала хотел в холодную запереть, пусть, думаю, поостынет. А потом все-таки решил к вам привести, может, действительно что-нибудь дельное сказать хочет.

Глеб Иванович с интересом посмотрел на заключенного, уже изрядно пообтершегося по камерам, с огромной ссадиной на лбу. Такое впечатление, что надзиратели силком волокли беднягу до кабинета хозяина, не пропуская при этом ни одной ступеньки.

– Гражданин начальник, мне с тобой на линию нужно выйти, – неприязненно посмотрел тот на Коваль.

– Где это ты ободрался? – доброжелательно поинтересовался Глеб Иванович.

– Со шконаря слетел, – грубовато обрезал арестант.

Полковник Ковров хмыкнул:

– Если разговаривать не хочешь, может, тогда стоит в камеру вернуться?

– Базар серьезный пойдет, гражданин начальник, ты бы убрал этого дубака со спины. Не для слухачей перетирка.

Коваль двинулся вперед, угрожающе повертев дубинкой.

– Отставить, – негромко распорядился полковник. – Обыскали его?

– Так точно, товарищ полковник, пустой, – доложил прапорщик.

– Ладно, иди... если что, позову. Потолкайся пока здесь под дверью.

– Есть, товарищ полковник, – Коваль спрятал за спину дубинку и, четко развернувшись, вышел.

– Ну что там у тебя? – несколько раздраженно спросил полковник, всем своим видом давая понять, что государственное время он обязан тратить на более существенные дела, чем на бессмысленную беседу с арестантом. И если он снизошел для разговора со своим подопечным, то только потому, что он человек по натуре очень мягкий и привык заботиться о заключенных.

Но действительность была иной: Коваль отважился привести заключенного к хозяину не сразу, а сначала позвонил ему и сумел убедить его в том, что дело, наверно, не простое и что такие блатные, как Пятак, на «амбразуру» без причины не кидаются. Не исключено, что тот не поладил со смотрящим камеры, а следовательно, есть возможность переокрасить блатного в красный цвет.

– Начальник, мне в аквариуме не жить, в стирки продулся, а крыть нечем. Если не поможешь – кранты мне, в лучшем раскладе – петушинный закуток... А такого позора не стерплю, уж лучше сразу косарем по венам.

– Мне что, в кукарешник, что ли, тебя сажать? – заулыбался Глеб Иванович. – Пока вроде бы и не за что.

– Кукарешник не спасет, если не сейчас зашибут, так потом.

– Ты что предлагаешь, чтобы я тебе побег организовал? – разговор начинал веселить Коврова. Полковник снял китель и повесил его на спинку стула.

Пятак сделался серьезным:

– А если я тебе расскажу такое, за что и ворота распахнуть перед зэком не жалко?

– Что же это такое может быть? – с наигранной беспечностью поинтересовался Глеб Иванович. – Свистишь, наверное.

Пятак сидел напротив, на табурете, намертво привинченном к полу. Сидеть на нем было неудобно, у самого края выступала шляпка гвоздя и свирепо впивалась в мякоть заключенного. И каждый арестант непременно начинал ерзать, чтобы облегчить страдания. Пятак же не замечал боли, что само по себе настраивало на серьезный лад и заставляло думать о том, что разговор затевался нешуточный.

– Гражданин начальник, я поганку гнать не привык, не той масти, а за пустой базар можно ответить по всей форме. Если хочешь на старости лет в золотые писсуары мочиться, то я тебе могу это устроить.

– Клад, что ли, нашел? – скривился в ухмылке полковник, недоверчиво глядя на Пятака.

– Кладом не назову, но денег там побольше, чем у персидского шаха.

– Грабанул, наверное, кого-то, да и сложил в укромном месте, а теперь твоё богатство по всей России ищут.

– Гражданин начальник, деньги эти насиженные. Если с умом подойти, то, не напрягаясь, можно золотишка черпануть по самое горло. Дай мне волю!

Пятак был блатным серьезным, о чем свидетельствовало его личное дело. На карманные кражи себя не растрчивал, а специализировался на вооруженных грабежах. Сфера интересов широка: пункты обмена валюты, ювелирные магазины, любил наведываться к коллекционерам антиквариата. Дважды привлекался за убийство: первый раз проходил как свидетель, а вот во второй — «рога замочил» и «пропарился до звонка».

– Хорошо... – не без внутренней борьбы произнес Глеб Иванович, – обещаю. Колись!

В глазах Пятака промелькнуло нечто вроде сомнения (а нужно ли?), но через мгновение, переломив собственную натуру, он размеренно заговорил, от чего голос его приобрел еще большую значимость:

– Я знаю, где хранится наличность воровского общака.

Полковник отозвался не сразу, и, по мере того, как он усваивал сказанное, лицо его менялось и становилось все более серьезным. Подобные признания он слышал раз пять в своей жизни: два раза от бакланов и трижды от мелкого жулья, не имевшего никакого отношения к элите уголовного мира. А в этот раз все вроде обстояло иначе – Пятак был вхож в самые верха и пользовался немалым авторитетом на всех зонах, где побывал.

– Ну ты и выдал, – негромко произнес Глеб Иванович, почувствовав, что его прошибла испарина. – За такое знание и голову могут оторвать.

– Мне не оторвут, – спокойно отвечал Пятак, – я один из тех, кто стережет наличность.

– Чем можешь доказать?

Пятак расшнуровал ботинок, снял его и указательным пальцем выковырял откуда-то из-под стельки перстень.

– Такая вещица есть у каждого хранителя... Как только мы с тобой подружимся поближе, я расскажу тебе, чем она замечательна, – улыбнувшись, он положил перстень на стол.

Полковник взял перстень. С минуту наблюдал за игрой света в бледно-желтых бриллиантах, после чего спросил:

– Как ты пронес его?

Вопрос не риторический: если в «крытку» можно пронести кольцо, следовательно, есть шанс протащить и пистолет.

– Не скажу, гражданин начальник, лучше не спрашивай. Но лично мне это стоило немалых денег.

– Ладно, оставим... Предположим, я тебе поверил. Так где же лежит наличность? – положил перстень на стол полковник.

– В Печорском монастыре, в склепе. В четырех больших гробах. Под самую крышку заполнены долларами, марками, франками, фунтами стерлингов. Всего не перечислишь.

– Давно они там лежат? – безразлично спросил Глеб Иванович.

– Шесть лет.

– И что, за это время деньги ни разу не понадобились?

Пятак, не замечая внимательного взгляда полковника, взял со стола перстень и аккуратно уложил его снова в ботинок, после чего отвечал:

– Ни разу. Как-то обходилось. Хотя если бы поступил приказ от казначея, то деньги доставили бы в любую точку России в самое короткое время.

– А казначей кто?

– Барин. Слышал о таком?

– Приходилось. Кроме тебя, сколько еще хранителей?

– Сложный вопрос, все-таки у нас конспирация, а не бабьи посиделки. Но я так кумекаю... человек двадцать. С некоторыми я по жизни знаком, о других наслышан. Но все люди путевые, без базара. Отвечаю.

– Они все в законе?

– Не все, но большинство. И возможности имеют такие, какие не снились многим коронованным.

– И как же охраняете наличность?

– Этим делом занимался Святой...

– Вот как? А я думал, что он куда-то пропал... – вскинул глаза Глеб Иванович.

– Часть хранителей остались при Печорском монастыре, приняв постриг. Это, можно сказать, внутренняя охрана. Другие обосновались поблизости. Стерегут крепко.

– А игумен-то догадывается?

– Не похоже, отец Яков – человек божий. Все молится да кается.

– А сам Святой тоже в братии? – от услышанных новостей полковник развеселился.

Пятак отрицательно покачал головой:

– Он в другом монастыре, по соседству. Но до меня слухок дошел, будто он от дел отходит, богомазом прописался. Талант будто бы у него открылся. В последнее время его даже как-то и не трогают. Но если кто и может помешать, так это Святой. Он хранитель надежный. Я бы на твоём месте избавился от него сразу.

– Ясно... А что Барин?

– Барин хоть и правильный, но пожиже будет. Но за общаком присматривает. Едва ли не каждый месяц в монастырь наведывается. Все свечи ставит, видно, грешит много.

Дверь бесшумно отворилась, и в проеме показалась голова Ковалёва:

– Товарищ полковник, я уж беспокоиться начал. Как вы там?

– Все в порядке, Коваль. Закрой дверь. – И когда они вновь остались в одиночестве, полковник задал следующий вопрос: – Но, кроме наличности, должны же быть какие-то счета? Тебе о них что-нибудь известно?

– А ты, гражданин начальник, оказывается, большой хитрец. Ты бы меня сначала в хату приличную определил, жраниной бы путевой снабдил, водочкой бы угостил. Может быть, телку какую-нибудь сисястую подкинул бы, а потом бы и допрос продолжал. А то ведь мозги-то у

меня с голодухи варить перестали. А уж как отдохнул бы я, то тебе много чего интересного рассказал бы. И как со счетов денежки поиметь, и про перстенок мой именной.

– Договорились. – Полковник снял со спинки стула китель. – Коваль! – На пороге мгновенно предстал двухметровый прапорщик. – Определи Пятака в четыреста вторую хату.

Коваль недоуменно посмотрел на полковника.

– Товарищ полковник... Глеб Иванович, но там же...

– Знаю, знаю.... Кажется, их там трое? Рассели по камерам, ничего страшного, не баре. Пусть поживут вместе со всеми и смрад тюремный понюхают. Холодильник поставь туда. Ну и заполни его чем-нибудь приличным, да про водку не позабудь. – Коваль продолжал стоять, хлопая глазами. – Ну чего застыл? Уводи этого сидельца.

* * *

Отношения между хозяином и заключенным теперь упростились неимоверно, и Пятак был рад этому. Если общение будет и дальше прогрессировать в таком же темпе, то уже через неделю они начнут хлопать друг друга по плечам в проявлении дружеских чувств.

– Все, выговорился как на духу. Теперь ты все знаешь, – сказал Пятак, стряхнув пепел прямо в стакан, из которого несколько минут назад пил коньяк. Вот уже несколько часов они сидели в кабинете Коврова и беседовали. В голове Пятака приятно гудело, а душу раздирал многошумный праздник. – Пойми, гражданин начальник, я на многое не претендую, но, кроме обещанной воли, мне бы хотелось иметь немного денег. Все-таки я их заслужил... А с твоими возможностями хапнуть общак – дело плевое.

Полковник посмотрел на стакан, испачканный пеплом, и спросил:

– Ладно... Сколько ты хочешь?

– Десять процентов будет в самый раз.

– А не много ли... для арестанта?

– Шутить изволишь, гражданин начальник. Ты же обещал. А потом, много денег никогда не бывает. И еще... если я вдруг неожиданно исчезну, на воле это может многим не понравиться, – уколол взглядом хозяина Пятак. – Они будут знать, с кого спросить.

– Ты уж прямо осерчал, – примирительно проговорил Глеб Иванович. – Будут тебе десять процентов. Денег, как ты говорил, там много, на всех хватит. Или, может, ты мне не доверяешь?

– Доверяю... Просто хочу внести некоторую ясность.

– Теперь о главном. Побег твой состоится завтра. Коваль принесет тебе в камеру форму, переоденешься в нее. Свои шмотки сунешь в сумку и оставишь ее в камере. Потом твои вещички заберут. С Ковалем ты выйдешь во двор, сядешь в фургон, который он тебе покажет. Машина проверяться не будет. Тебя высадят за кольцевой дорогой. Мы же с тобой встречаемся, как договаривались, через неделю ровно в восемь вечера. Место ты помнишь... Я постараюсь выправить тебе кое-какие ксивы. Ну лады... Выпись как следует, попей водочки. Коваль тебе еще принес... В общем, будь как огурчик. Коваль! – крикнул Глеб Иванович. И когда на пороге появилась внушительная фигура прапорщика, Ковров привычно распорядился: – Проводи Пятака в четыреста вторую.

– Есть, – охотно отозвался детина. – Пойдем, чего застыл? Нагостился!

Пятак шел по длинному коридору, который успел изучить до последней трещинки. И от нечего делать считал шаги. До его хаты их было ровно триста двадцать. На стене кто-то нарисовал голую бабу со всеми анатомическими подробностями. Художественное дарование в рисунке присутствует налицо. Что ни говори, а эки талантливый народ, бывает, так вылепят из хлебного мякиша пистолет, что от настоящего ствола не отличишь.

На двести восьмом шаге Коваль приказал остановиться. Оно и понятно – впереди железная решетка, разделяющая коридор на две равные секции. Но неожиданно прапорщик прика-

зал повернуться. Пятак недоуменно обернулся и увидел направленный в лицо ствол пистолета. Последнее, что он увидел в своей жизни, – пучок яркого пламени, брызнувшего из ствола. Он опрокинулся на разделительную решетку, и она громче вздрогнула, чуть прогнувшись.

Коваль приблизился.

В центре лба заключенного зияло небольшое отверстие, из которого несильно сочилась кровь. Прапорщик снял правый ботинок покойного, отодрал стельку и вытряхнул крупный перстень. Секунду он любовался преломившимися в камнях лучами, а потом небрежно опустил перстень в карман. После чего вытащил из кармана револьвер и вложил его в руку убитого.

Загромыхали металлом перегородки, и коридор наполнился торопливым топотом.

– Коваль, что случилось? – подскочил со спины дежурный по этажу, упитанный краснощекий верзила.

– Пушку на меня наставил, – бесстрастно доложил прапорщик, – пришлось его уделать.

– А ствол-то у него откуда взялся? – недоуменно заморгал дежурный. – Не из кишки ведь вытащил?

– А хрен его знает?! – пожал плечами Коваль.

– Будет теперь разбирательство, – озадаченно почесал затылок толстяк. – Ты-то сам как? – поинтересовался он участливо.

– Я-то что, – махнул рукой Коваль, – не меня ведь убило.

– Тоже верно, – охотно согласился дежурный.

Рядом стояли еще трое надзирателей. Дело обыкновенное, подумаешь, зэка грохнули, – закопать, да позабыть. Один достал початую пачку сигарет и ненавязчиво принялся угощать приятелей.

– Хозяину-то кто доложит – ты или я? – поинтересовался дежурный по этажу.

– Давай лучше я, – уныло вздохнул Коваль, – все-таки я стрелял.

– Ну как знаешь, – с заметным облегчением проговорил толстяк.

Глава 2

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Самое главное в писании икон – это достоверно передать лики святых. Иконопись – ремесло очень непростое, и допускаются к нему только избранные, люди, отмеченные божьей печатью. Одно дело – выводить хитоны, где достаточно всего лишь одного мастерства, и совсем иное – одухотворенная плоть. Без молитвы тут не обойтись, а кроме того, важно душевное просветление. Оно же достигается только долгим постом и чистыми помыслами.

Отец Герасим тонкой кисточкой добавил морщину на лбу, и Спас Нерукотворный чутко посуровел и теперь смотрел с такой строгостью, будто хотел вывернуть душу наизнанку. Странное дело – даже при самом скрупулезном соблюдении всех канонов лики святых выглядели всякий раз по-иному. Не то чтобы они не были похожи на себя прежних, просто в их облике появлялись какие-то дополнительные черточки, возможно, незаметные для неискушенного зрителя, но очевидные для богомаза.

Монах отстранился и критически осмотрел сотворенное. Редко он оставался доволен написанным, но сейчас как раз был тот самый случай. Икона удалась, и он отчетливо осознал, что это лучшая его работа за последние три года.

Трудно было сказать, что поспособствовало удаче – справно заготовленные доски, особый состав красок, замешанных на охре, очистительные молитвы с изнуряющим постом, – или, может быть, все это вместе. Но икона получилась именно такой, какой он желал ее видеть – просветленной, с божьей отметиной на челе.

Труд был завершен, закончился и пост. Сегодняшним вечером иконописец решил порадовать себя небольшим куском семги, а после причастия выпить стакан кагора.

Ополоснув кисть, он аккуратно положил ее на мольберт.

Уже несколько лет Герасим писал иконы. Теперь он мог сказать со всей определенностью, что двигался к этому всю свою жизнь, хотя вначале невозможно было даже предположить, что он займется иконописью. Прежде чем у него открылся талант, Герасим два года простоял на дорогах с копилкой в руках, выпрашивая у мирян деньги на восстановление храма, и когда однажды взял в руки карандаш, то, к своему немалому удивлению, обнаружил, что тот ожил, создав на бумаге образ Божией Матери. Игумен, молчаливый и сутулый старик, никогда не выражающий своих чувств, вдруг одобрительно крикнул, заметив:

– Ладная картинка вышла. Видно, талант у тебя, богомазом при монастыре будешь. – И, чуть прищурившись, попытал: – Осилишь? Работы много будет. Иконостас расписать нужно, фрески подправить. А потом в округе три церквушки разоренные стоят, нуждается в них митрополия. Архиерей сказал, что их тоже поднимать предстоит, так что тебе и там поработать придется.

– Как скажете, отец Гурьян, – смиренно отвечал Герасим, слегка наклонив голову, как и подобает монаху.

Игумен, ценивший более всего послушание, в этот раз недовольно повел бровью:

– Тут одного моего желания мало. А сам ты чувствуешь к этому делу призвание?

Смутился Герасим под пытливым взглядом игумена и отвечал, как чувствовал:

– Два дня назад ко мне видение пришло, будто бы я с кистью в монастыре стою. Решил попробовать, и вот этот рисунок получился. Хотя мне и раньше рисовать приходилось, но способностей больших за собой не подмечал. Но дело это мне по душе. Может, сон в руку?

Старый монах был более категоричен:

– Не видение это, сын мой, а просто на твою голову провидение божье сошло, а такой промысел большая редкость. Талант в тебе открылся, так что пиши на здравие.

Первый год отец Герасим писал хитоны, не отваживаясь на большее, а когда опыта было накоплено предостаточно и он ощутил в себе немалые силы, приступил к изображению ликов.

Он никому не показывал своих икон раньше положенного срока, не из суеверия, которое прячется даже в самом набожном человеке, а из эстетического чувства, что всегда присутствует в каждом настоящем художнике. Только готовое произведение может быть предано суду, и первый зритель, как правило, человек близкий, умеющий по достоинству оценить работу. Таким ценителем для Герасима всегда оставался игумен, и его скупая похвала была куда весомее восхвалений целой братии. Краски, уложенные на доску тонким и ровным слоем, подсохли окончательно, самое время, чтобы пригласить старца. Иконописец любовно протер доски мягкой ветошью, отчего лик ожил еще более.

Неожиданно дверь отворилась, и в проеме, узком, словно башенная бойница, застыл старец Гурьян.

– Не помешал, Герасим? – сдержанно полюбопытствовал игумен.

– Вы, как всегда, кстати, отец Гурьян, – стараясь скрыть волнение, произнес Герасим. – Икону написал... «Спас Нерукотворный». Такую, как вы просили, для храма Радость Всем Страждущим.

Старик, чуть подобрав длиннющие полы рясы, шагнул в келью и, отыскав глазами икону, сдержанно, подавляя расправившие его чувства, протянул:

– Эко, как углядел! У Рублева он построже будет, – старец чуть прищурился, – вот здесь у Спаса морщинка, здесь еще одна черточка... Она его делает строже да и старше. А на твоём как будто бы разгладились складки.

– Не понравилось, отец Гурьян? – не подобает монаху тревожиться, но голос предательски сорвался.

Настоятель отвел взгляд от иконы и с укором посмотрел на воспитанника.

– Не забывай, что ты не художник, а богомаз, а это народ особенный. Их руками боженька на мир смотрит. – Старик взял в руки икону и внимательно всмотрелся в лик Спаса. – Хм, а теперь он строг, будто бы чего-то сказать хочет. Хороша икона, не тревожься, – успокоил Герасима игумен. – Освятим ее да и установим на самое почетное место.

– Значит, не зря старался, – улыбнулся монах, от сердца малость отлегло.

– Не зря, не зря, сын мой, – почти ворчливо отозвался старик, – только я ведь к тебе не с тем пришел. Гости к тебе явились, – пронизательный взгляд отца Гурьяна застыл на растерянном лице иконописца, заставив его слегка сместиться.

– Вот как? И кто же это? – Герасим выглядел удивленным. – Заказчики?

Игумен неопределенно хмыкнул, потом, подумав, ответил обстоятельно:

– На божьих людей они не похожи. Да и одеты как миряне. – Неожиданно старец сделался серьезным и продолжил: – Хотя кто знает, может, я ошибаюсь, и они имеют какое-то отношение к духовному званию... У одного из них я на шее цепь золотую разглядел весом граммов в двести, да распятие золотое с дюжиной бриллиантов. Думаю, на полкило потянет. У другого тоже крест есть, но поскромнее, да и камешки пожиже будут. На третьем рубашка расхристана, а на волосатой груди крест в аршин выколот. Да и на пальчиках у каждого крестики просматриваются... тоже выколоты. – Лицо у Герасима изменилось, на худых скулах отчетливо проступили глубокие складки, а игумен, будто бы не замечая растерянности монаха, продолжал все тем же бесстрастным тоном: – Признаюсь тебе откровенно, Герасим, хотел я их спровадить прямо с порога. Но что делать, они пришли к тебе, а ты у нас человек уважаемый и, опять-таки, иконы пишешь. Я у тебя никогда не спрашивал, как ты к нам в монастырь пришел, а только к собственному покою люди идут разными дорогами. Вот так-то... Знаю, что не все у тебя в жизни гладко было. – И, махнув рукой, добавил: – А впрочем, кто из нас не без греха! Принимай гостей, – и мягко притворил за собой дверь.

Через минуту в коридоре послышался сдержанный говор, короткое нерешительное топтание у входа, и дверь нешироко открылась.

– Можно? – раздался хриловатый, прокуренный бас, и в келью гуськом, явно смущаясь, протиснулось трое крепких мужчин.

Герасим, сидевший на грубоватом табурете, невольно привстал и, справившись с первой растерянностью, сделал небольшой шагок навстречу гостям.

– Ну, здравствуй, Святой, – произнес один из них, тот, что стоял ближе остальных, невысокий, с длинными руками. Он напоминал ископаемого членистоногого, выбравшегося на сушу, – передвигался чуть боком, глаза слегка навывкате, привыкшие без конца высматривать добычу, протянул руку, а кажется, будто клешню сунул. Вот стиснет покрепче пальцы и с легкостью оторвет ладонь.

Вопреки ожиданию рукопожатие получилось вялым.

Двое других были прямой противоположностью друг другу. Один – высокий, худой, с темным обветренным лицом, словно слегка стесняясь своего саженного роста, чуть сутулился и без конца вжимал шею в плечи; второй, напротив, напоминал крепенький грибок-боровик, только что вывернутый с корнем чьей-то цепкой рукой. Троица держалась неброско, во все глаза разглядывая монаха. Не без интереса поглядывал на неожиданных гостей и он.

– Сколько же мы не виделись? – спросил Герасим.

Крепыш усмехнулся:

– А ты посчитай, Святой. Откинулся ты восемь лет назад, и с тех пор кранты! Больше и не встречались. – И уже виновато, понимающим взглядом осмотрев стены, исписанные фресками, спросил: – Мои слова не сильно режут твое монашеское ухо?

– Говори, сын мой.

– Хм... вот как. Я знаю, что еще года три ты при делах был, а потом вдруг исчез. Можешь мне поверить, нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы тебя найти.

– Что же это мы стоим в дверях? – словно спохватился отец Герасим. – Не по-христиански так гостей встречать. Садитесь, господа, – указал монах на широкую лавку, отполированную рясами до сверкающего блеска и, видимо, помнившую самих основателей монастыря.

Гости сели охотно, словно только и ожидали приглашения, по-хозяйски закинув ногу на колено.

– А ты стал обходительный, вот только внешне все такой же, не изменился, – похвалил «краб», доставая из кармана пачку с сигаретами.

Вытащив одну, он очень старательно размял ее в руках, отчего табак рыжеватыми соринками рассыпался на каменный пол. Этот человек не умел смотреть в одну точку, глаза его бесконечно блуждали с пола на стены, со стен на потолок, как будто он хотел что-то увидеть, а ему все никак не удавалось обнаружить искомое.

Отец Герасим чуть нахмурился, но голос его прозвучал все так же доброжелательно:

– У нас здесь божий храм, Валерий Игоревич, а не общественный сортир.

«Краб» воткнул сигарету обратно в пачку и закачал головой:

– Ишь ты! Даже отчество мое вспомнил, а я уж сам начал забывать, что оно у меня имеется, а ты вон как себя повел. А по старинке не мог назвать меня, как прежде, или погоняло мое забыл? – несколько раздраженно спросил он.

– Зря ты сердишься, не позабыл, – произнес, словно выдохнул, монах, – только все это осталось совсем в другой жизни, в мирской. Теперь я божий человек, и что меня сейчас интересует, так это мои иконы.

– Узнаю Святого, – заулыбался «краб», – раньше ты все наковки рисовал, а сейчас, стало быть, иконы малюешь. Только поведения твоего понять не могу – не твое все это. Может, ты перед нами выкаблучиваешься?

Взгляд у монаха оказался тяжеловат, и крепыш невольно поежился, ощутив неловкость.

– До святого мне далековато, – честно признался отец Герасим, – прежние грехи тяжелы. А иконы не малюют, их пишут, сын мой, – наставительно произнес он.

– А ты лицедействуешь, Святой, – мягко укорил его долговязый, – мог бы перед нами не разыгрывать этот театр, как-никак не одну чалку вместе прошли.

– Я не лицедействую, я живу так, – сдержанно заметил Герасим, – скоморошество – это не по нашей части...

– Только не надо говорить «сын мой», – неожиданно оскалился верзила, – уж лучше вообще никак не называй.

Теперь уже Герасим улыбнулся:

– А ты тоже не меняешься, Глухой, все такой же несдержанный, а ведь перед тобой человек духовного звания. Ладно, что вам нужно и как вы меня нашли? О том, что я здесь, никто не знал... почти.

«Краб» вновь потянулся за пачкой сигарет, обычная мужская привычка – начинать серьезное дело с глубокой затяжки, но, вспомнив, что находится в келье, виновато улыбнувшись, оставил ее до следующего раза.

– Вот и вспомни свое почти, – усмехнулся верзила.

Герасим чуть нахмурился:

– Шаман?

– Он самый.

– И что же он хочет, Волына?

Волына слегка замялся.

– Тут такое дело... Шаман доверил нам кое-какие сведения. Знаем, что будет, если мы вякнем где про них не по делу... В общем, мы даже и не думали, что найдем тебя. Ты же последние годы... ну, в миру, был доверенным лицом Барина, так?

Монах слегка поколебался, это была правда, о которой не следовало говорить даже с близкими знакомыми, но похоже, что троица действительно знала больше, чем говорила.

– Предположим... И что с того?

– Ты давненько не был в Печорском монастыре?

– Давно, – не сразу отвечал Герасим. – А потом у меня на жизнь наметились другие планы. Я уже говорил об этом с Бариним, – его ответ прозвучал уклончиво. – Он не возражал.

Волына напористо продолжил:

– Думаю, для тебя будет новостью, если я скажу, что десять хранителей один за другим ушли на вечный покой, – и он очень естественно перекрестился, – царствие им небесное. Если бы они умирали хотя бы по одному в год, то такую кончину с натяжкой можно было бы считать случайной. Все-таки ремесло у нас опасное, всякое случается... Но все они погибли за полгода... Последнего из них, Семена, застрелили десять дней назад в собственном подъезде. Вот такая выходит грустная история, – поджал губы Волына. – Шаман решил нас подключить, больно уж круто все поворачивается...

– Ты хочешь сказать, что в монастыре хранителей не осталось?

– Из прежних – ни одного! – покачал головой Волына. – Вместо них Барин поставил других. Ты их не знаешь.

– Что произошло с прежними?

– Непонятки какие-то случились... Их завалило в одном из залов пещеры во время службы. Вместе с ними погибли и другие монахи. Может быть, случайность, а может быть, и взрыв. Мы потихонечку провели свое расследование, но так ничего и не нашли.

– А наличка на месте?

– На этот вопрос ответить можешь только ты.

– Я чернец, господа. А у вас дела мирские. Попробуйте разобраться сами.

Волына хлопнул себя по коленям и горячо ответил:

– Чуть не выругался в святом месте! Видно, правду говорят, что ты свихнулся. Ты думаешь, почему мы к тебе приехали? Ведь ты на очереди.

– Кому нужен чернец?

– Слушай меня, Святой... Мы провели небольшой анализ, – желтая фикса в правом углу рта зловеще блеснула, – кое-кто засветился. Не хотелось бы говорить здесь, ну, в общем, они далеко отсюда... Надеюсь, ты меня понял. Следы привели в зону, на одну из северных пере-сылок. Сучонок, который работал на исполнителя, указал нам на одну суку в «красной» зоне. Мы его взяли в оборот, да переусердствовали, теперь он ничего не скажет. Но перед смертью мамой клялся, что он всего лишь спица в колесе, а в этом деле работают профессионалы. Сам посудите, ухлопали столько народу и ни разу не повторились. Одного взорвали в машине, другого порезали, – загибал Волына кривые пальцы, – третьего...

– В лесу повесили, – подсказал крепыш, чуть выставив грудь.

– Четвертого в Москве из снайперской винтовки сняли, причем стреляли даже не из противоположного дома, а с соседней улицы, с высотного здания.

– Откуда вы узнали?

– Позже обнаружили, – махнул Волына рукой, – привлекли знающих людей, определили траекторию, прочесали каждый дом, ну и нашли ватное одеяло на одном из чердаков. Он, стервец, там как в собственной квартире устроился – кофе пил да булочки ел. Нашли одну гильзу и пустой термос. У меня такое впечатление, что замочил их не один человек, а несколько. Уж слишком по-разному это как-то получается.

– Похоже, что так, – печально согласился Герасим, притронувшись пальцами к своей окладистой темно-русой бороде. – А что Шаман? Ему не угрожали? – поинтересовался монах, посмотрев на Волыну.

– И не однажды, – признался наконец Волына, – сначала он получил предупреждение в виде какого-то несерьезного листочка, а уже через день была взорвана его машина через пару секунд, как он захлопнул за собой дверцу.

– Понятно, – сцепил Герасим пальцы в прочный замок. – И что же вы от меня хотите, я всего лишь монах, и мирская суета от меня ой как далеко!

– Гера, – впервые назвал монаха по имени Волына, и на губах богомаза ненадолго обозначилась скупая улыбка. – Шаман зовет тебя обратно. Только ты можешь разобраться в этом деле.

Отец Герасим усмехнулся:

– Неужели ему стало так не по себе, что он решил воспользоваться моей помощью? Далеко я от всего этого. И признаюсь, господа, меня мало трогает жизнь за пределами монастыря. О душе надо думать.

С минуту Волына сидел неподвижно, а потом, словно бы спохватившись, вытащил из нагрудного кармана бумажку, истертую по краям, и протянул ее Герасиму.

– Свой почерк узнаешь?

Герасим аккуратно взял листок, бережно развернул ветхое послание. «Побратиму моему Шаману...» Что-то ворохнулось внутри от первой фразы. Кровь колючими иголками прилила к лицу, и монах, заметив любопытные взгляды, неторопливо поднялся и отошел к окну, чтобы овладеть собой полностью.

Думал, ушел от прежней жизни. А оказывается, нет, она все время шла за ним по пятам и теперь предстала в образе стареющих уркаганов, чтобы припереть его намертво к камням в тесной убогой келье.

– Узнаю маляву, – выдержав паузу, протянул чернец, выдавая волнение легким хрипом.

– Вот наконец и человеческое слово от тебя услышал, – тепло произнес Волына.

Святой с Шаманом обменялись малявами десять лет назад, назвавшись кровными братьями. Редко даются подобные клятвы, но уж если они слетели с языка, а тем более запечатлелись на бумаге, то отречься от них способен разве что только кошун.

Незаметным движением Герасим приподнял рукав рясы. Запястье рассекал длинный глубокий шрам. Точно такая же отметина осталась и на руке Шамана. Соединив раны, они влили друг в друга кровь, сделавшись навек братьями по крови.

Святой наконец повернулся, превратившись в прежнего невозмутимого монаха с непроницаемым лицом. Он бережно свернул бумагу и протянул ее обратно Волыне.

Тот, словно клешней, вытянул лист из пальцев Святого и с пониманием поинтересовался:

– При каких делах кровниками стали? Шаман-то близко никого к себе не подпускает, – в голосе не то зависть, не то досада.

– А разве он тебе не рассказывал? – едва улыбнулся монах.

Волына слегка смутился. Есть вещи, о которых не спрашивают, и вопрос Святого больше напоминал едкую насмешку.

– Как-то не получалось.

– А чего же ты тогда от меня хочешь?

– Да так, спросил, – неопределенно пожал плечами Волына, поглядывая в сторону. – В этом деле еще много непоняток имеется, хотелось бы прояснить. Но сам знаешь, у хранителей общака свои законы. И попробуй сунься с вопросом, сразу без башки останешься.

– Погибшие все воры? – спросил Святой.

– Насколько мне известно – все, – ответил Волына.

– А может быть, их уложили бандиты или еще какие-нибудь отморозки? Они ведь закон не очень привечают.

Волына посмотрел на примолкших приятелей и отрицательно покачал головой:

– Не похоже на это. Чаще всего бандиты работают без хитростей, пером в бок, а труп на обочину, а здесь все непросто. Я бы даже сказал, что с душой подходили – взрывы, снайперы. Люди с богатой фантазией работали. И потом, если бы это случилось с одним, ну пускай с двумя, а тут десять человек и в такой короткий срок... Здесь целенаправленная акция. За всем этим стоит кто-то очень влиятельный.

– Возможно, вы и правы, – опять присел Герасим на свой табурет.

Взгляд невольно скользнул в угол, где стояла икона с образом Спаса Нерукотворного, – в этот раз Спаситель выглядел не в пример хмурым. Герасим осторожно перевел глаза на гостей.

Кажется, никто не обратил внимания на его растерянность.

– Это еще не все. Братва волнуется. Если убирают самых неприкасаемых, тогда есть ли вообще правда на этом свете. Не мне тебе говорить, на попечении общака семьи погибших авторитетов, вдовы ждут денег, а касса заблокирована. Ключики от нее находились только у погибших хранителей. Рухнули многие операции. Да что там говорить, – махнул рукой Волына, – терпим большие убытки.

– Да, несладкую ты мне историю рассказал, – признался монах. – Только что я тебе могу сказать, новых хранителей нужно выбрать на сходняке, а они пускай подберут сообщаковую братву. Не знаю, как это Барин сам, своей волей назначил новых... А затем пусть выяснят, кто это беспредельничает.

Монах поднялся и добавил:

– Молиться мне нужно, господа. Дела духовные важнее, чем дела мирские. – И, чуть наклонив голову, продолжил: – Бог вам в дорогу, а Шаману, – голос монаха ощутимо потеплел, – передайте... Я его не забыл. И буду молиться за него и за грехи наши.

Все трое поднялись почти одновременно.

– Послушай, Святой, – заговорил в спину монаху Волына, – ты хотя бы должен был выслушать нас, а не поворачиваться к нам спиной. – Герасим остановился у самого порога, плечи

его слегка ссутулились, как будто вместо слов он получил по спине несколько ударов палкой. – Ты же прошляк!.. Если бы не Шаман, ни за что бы не поехал. Вот тебе малява от всех людей, – положил он на низенький столик небольшой аккуратный конвертик. – Прочитай хоть, ведь люди же с душой писали и о твоих былых заслугах не забыли.

Монах чуть повернулся и, не отводя взгляда от сердитых глаз гостей, спокойно объявил:

– Я прочитаю, когда у меня будет время. А теперь оставьте меня, господа.

– Мы можем подождать только три дня, – веско сказал Волына, – на большее не рассчитывай. Игумен сказал, что здесь у вас есть комната для гостей.

– Да. Идите прямо по коридору, справа третья келья, это ваша. У тебя в сумке что-то звякнуло, – обратился монах к Глухому, – здесь это не принято, – и, не прощаясь, вышел из кельи.

Глава 3

ПРОИГРЫШ В «ТРИ ЗВЕЗДОЧКИ»

Злоключения начались месяц назад, когда Костыль проигрался в «три звездочки», при дюжине свидетелей. Интуиция в тот день подсказывала ему, чтобы он и близко не подходил к карточному столу, но жажда риска, которая была сродни наркотику, заставила его взять колоду. Он даже удивился, что проигрался слишком быстро, почувствовал неприятный холодок в груди и с досадой швырнул карты.

– Что ты от меня хочешь? – хмуро поинтересовался Костыль, неприязненно всматриваясь в дружелюбное лицо партнера.

Вся беда заключалась в том, что проигравший автоматически попадал в рабство к удачливому противнику. На это и играли...

– Не гоношись, – не убирая с лица улыбки, произнес Зуб, или Аркаша Печорский. Как это ни странно, но Печорский – это была его фамилия. – Успеется еще.

Более точную кликуху трудно было придумать. Зубы у Печорского были белые, крепкие, словно мрамор, такими впору перегрызать хоть колючую проволоку.

– Для меня ожидание хуже войны, лучше сразу скажи, кого нужно зарезать... дубака, кума... а может быть, хозяина? – не отказался от предложенной сигареты Костыль.

Аркаша продолжал ухмыляться, щеголяя своими безукоризненными зубами.

– Вижу, что ты чувство юмора не потерял. Это хорошо. Уныние никогда не приводило к хорошим результатам. А мне нужен именно хороший результат, – и он со значением поднял дымящуюся сигарету. – В твоём проигрыше нет ничего удивительного. Ты слишком азартен, таким быть нельзя, в картах нужен рассудок, а потом, – улыбка Аркаши сделалась еще шире, – я лучше тебя играю и очень хотел тебя надрать. И, как видишь, мне это удалось. Ладно, не кривись... Что же ты не спрашиваешь, почему я играл с тобой? – в голосе Аркаши Печорского послышалась насмешка.

Табак показался Костылю горьким, словно дедовский самосад, какой он когда-то курил в далеком детстве.

– Ну и отчего же?

– Просто ты мне нужен для одного дела. Ты дерзок, смел, силен... И очень мне подходишь.

– Горький ты больно табак куришь, – отшвырнул Костыль в сторону окурков. – И какое же это дело?

Неожиданно располагающая улыбка смялась, превратившись в хищный оскал, и перед Костылем предстал властный хозяин.

– Я вижу, ты разговорился. Знай свое место и меньше спрашивай. Не люблю болтунов. Ты мой раб, понял меня?

Не выдержав тяжелого взгляда, Костыль благоразумно отвел глаза.

– Да.

Об Аркаше Печорском на зоне говорили много разного, и трудно было понять, где здесь правда, а где откровенный вымысел. А не так давно прошел слухок, что он сотрудничает с ФСБ. Во всяком случае, три месяца назад из центра приезжал важный чин в цивильном дорогом костюме, и они с Аркашей долго о чем-то разговаривали в кабинете начальника зоны. При чем хозяин колонии, как обыкновенный шнырь, стоял в это время в коридоре, перед дверьми своего кабинета. Странная складывалась ситуация. Некоторым даже казалось, что хозяин побаивается своего подопечного, во всяком случае, по отношению к нему он вел себя так, как будто того не существует вовсе: прощал ему мелкие шалости в виде заначки морфия в лагерной тум-

бочке, не устраивал шмона в его закутке, разрешал полуночные посиделки. Было похоже, что на воле у Аркаши Печорского существовали сильные покровители.

Но что не вызывало никаких сомнений, так это то, что Зуб был вором, как говорится, до исподнего белья, до самой последней клетки. И если нашелся бы человек, осмелившийся упрекнуть его в неблагонадежности, то вряд ли тот сумел бы дожить до утра.

Впрочем, его опасался не только хозяин зоны, даже самые непримиримые из эков оказывали ему заметное почтение.

И уже по-деловому, выпустив в сторону струйку дыма, Зуб заговорил:

– На днях меня переведут в другую зону. – В этот раз Костыль не рискнул спрашивать у Зуба, откуда у него такие сведения. Аркаша порой мог угадывать надвигающиеся события с такой точностью, как будто получал божественные откровения в самые уши. Возможно, сейчас был тот самый случай. Хмыкнув, Печорский продолжал: – Надеюсь, ты понимаешь, что для тебя, Паша, это ровным счетом ничего не значит?

Игра «три звездочки» не такая вещь, от которой можно отряхнуться, как от пыли. Раз ввязался, то будь добр, принимай существующие правила, если не хочешь получить заточку под ребра.

– Разумеется.

– Вот и отлично... Вижу, что ты с пониманием. Если дело так пойдет и дальше, то мы с тобой поладим. И ты заработаешь не только свободу, но и деньжата.

При последнем слове Аркаша Печорский внимательно посмотрел на Костыля, пытаясь уловить на его лице интерес. И, не отыскав ничего подобного, поморщился – похоже, что Пашу Фомичева мало что интересовало в этом мире. Тренированный организм, ничего не скажешь. А если бабы? Впрочем, это тоже маловероятно, после такого продолжительного пребывания на зоне приоритеты заметно меняются.

– Водки бы, – почти безразлично произнес Паша.

– Будет тебе водка, так что вволю упьешься... Но сначала дело. От меня ты будешь получать малявы вот с таким крестиком, – Аркаша вновь достал пачку сигарет и на гладкой бумаге вывел восьмиконечный старообрядческий крест. – Что бы там ни было написано, ты немедленно должен это выполнить.

В этот раз Аркаша не спрашивал, последняя фраза звучала как утверждение. Костыль вдруг подумал о том, что, в сущности, игра в «три звездочки» продолжается, правда, ставки теперь несколько выше, чем его жизнь, в груди вновь образовался знакомый холодок.

– Сделаю все, что скажешь.

Аркаша Печорский выудил из пачки еще одну сигарету, изящно, двумя пальчиками. Костыля решил не угощать и, запустив в легкие изрядную порцию дыма, отвечал, не упустив возможности показать идеальные зубы:

– А куда ты денешься, браток, – и, похлопав Костыля по плечу, отошел.

Аркаша Печорский оказался прав, уже через неделю его отправили в глубину Сибири, и Паша Фомичев искренне удивился предвидению Зуба. Впрочем, Аркаша удивил бы его больше, если бы продолжал оставаться в зоне, где сук столько же, сколько блох на старой дворняжке.

А еще через месяц от Аркаши Печорского пришла малява, помеченная условленным крестом, где тот требовал от своего раба – ни много ни мало – побега.

Костыль невольно ахнул, прочитав написанное.

Костыль никогда не относил себя к побегушникам. В чем-то зона ему даже нравилась, привычнее, что ли... Здесь все понятно и все конкретно: масти не тусуются в одну кучу, как это принято за пределами зоны, а за вольный базар будь добр отвечать по всей форме.

В какой-то степени и побегушников можно понять. Чаще всего слушать кукушку уходят по весне, когда нет моченьки сидеть в затхлых стенах, а вольный воздух представляется крепче

самой крутой наркоты, а накалившиеся гормоны достигают наивысшей точки кипения и молотят в голову пострашнее артиллерийских снарядов.

Некоторые являлись побегушниками едва ли не по призванию. Они уходили в бега только для того, чтобы хотя бы сутки поглотить вольного воздуха, посидеть где-нибудь на сопке, поросшей ельником, а там – хоть трава не расти! Костыль помнил свой прошлый срок в Сибири, где на сотни верст вокруг зоны одна тайга. Был у них в отряде один странный дедок лет семидесяти, который за лето умудрялся покидать зону по несколько раз. Заберется в тайгу, покушает дня три вольных ягодок и стучится обратно. И это несмотря на то что в лагере царил строжайший порядок и покинуть территорию можно было разве что мертвым. Хозяин колонии, делая поправки на его ветхость, особо дедка не наказывал и частенько, вооружившись нехитрыми угощениями, подступал к побегушнику, пытаясь разузнать, каким это образом тот преодолевает несколько заборов с колючей проволокой, через которую пропущен ток высокого напряжения, а по периметру бегают свора злющих кавказцев, натасканных рвать эков. Старик попивал дармовой кофе, травил байки, шутил, но тайны не выдавал. Впору было предположить, что, поменяв эковское обличье на что-то более пристойное, он воспарял к небесам херувимом и через минуту приятного полета оказывался далеко за пределами зоны.

Но то было совсем другое. Старик мог бегать хоть десять раз на дню, и самое большее, что ему угрожало, так это легкий укор со стороны начальника лагеря. В ситуации Костыля это было сложнее – каждый побег приравнивался едва ли не к государственной измене, и беглеца, как правило, мгновенно списывали с довольствия, затравливая собаками. Пуститься в бега мог совершенно отчаянный человек или тот, которому нечего было терять. Костыль не относил себя ни к тем, ни к другим. На память пришел случай, когда один из эков «сделал ноги» всего лишь за месяц до своего освобождения, что, впрочем, тоже объяснимо: у парня выиграла душевная тоска и достигла такой вселенской звенящей высоты, что впору прыгать головой вниз.

Костыль задумался всерьез: если его поймут, то просто прибьют разъяренные солдаты, которые вынуждены будут по его милости шлаться в тайге неведомо сколько времени. А потом растерзанный труп выбросят на съедение овчаркам. Эти мохнатые твари очень охочи до человеческого мяса. Или он просто сгниет в тайге... Даже если ему удастся случайно избежать смерти, то он в любом случае не сумеет выбраться на материк, потому что зона расположена на полуострове, затерянном в водах северного моря, а до ближайшего поселения не одна сотня километров.

В общем, шансов выбраться живым никаких. Практически никаких. И вместе с тем хозяин обязан отдавать приказы своей «торпедой» непременно выполнимые. Не может же он распорядиться, чтобы тот слетал на Марс и вернулся через неделю. В противном случае подобный факт можно было бы отнести к разряду западло, а для человека с понятием, каким считал себя Аркаша Печорский, такие приказы немыслимы. Следовательно, отдавать подобный приказ у него были веские основания.

Костыль – Паша Фомичев понял, что не ошибался, когда получил от Печорского еще одну маляву, в которой был расписан подробный план действий. Вор не без удовольствия убедился, что его «господин» не лишен фантазии. Само по себе интересно, что малява была доставлена на зону в кратчайшие сроки, преодолев при этом пару тысяч километров всего лишь за несколько дней. Такое впечатление, что письмо доставили прямо по воздуху и передали начальнику колонии, чтобы тот лично позаботился о вручении послания своему узнику. Во всяком случае, один из надзирателей – угрюмый сержант, с широким разворотом плеч – незаметно сунул Костылю конверт, прошитый по всей поверхности суровыми белыми нитками, и тут же отошел.

Из второй малявы следовало, что бежать Костыль должен не один, а в компании двух приятелей, один из которых должен сослужить роль «барашка», чтобы другим не околеть в

тайге от голода. В этом плане имелся определенный резон: во-первых, бежать вместе просто веселее, а во-вторых, в компании легче выжить.

На подготовку к побегу Аркаша Печорский отводил более месяца. Чтобы подготовиться к тому самому времени, когда землю прошивает трава-мурава, а в ветках хвои начинают жизнеутверждающе чирикать птицы.

В письме Аркаша Печорский утверждал, что будет следить за его передвижением. Интересно, как это он будет делать, на вертолете, что ли? Определенно, Аркаша страдает манией величия.

Первым человеком, к которому подошел Паша Фомичев, был Артур Резаный, крепкий зэк тридцати с небольшим лет, блатной. Кличку свою он получил не случайно, его живот был безжалостно изрезан, имелись глубокие порезы и на запястьях. По утверждению самого Артура, каждое из них являлось свидетельством его клинической смерти. Если собственный живот он ковырял просто так, чтобы угодить в лазарет и передохнуть, так сказать, от тюремного бытия, то раны на руках были вещами серьезными: первый раз он перерезал вены ножом только потому, что не сумел отдать карточный долг, посчитав, что проигранная сумма вполне соответствует небытию. Во всяком случае, это более почетный выход, нежели обживать петушинный угол в бараке. Второй шрам он получил в драке, сцепившись с бандитом, возмнившим, что имеет право распоряжаться в камере точно так же, как это привык делать среди собственной братвы.

Артур Резаный был очень опытным побегушником. Даже рассказывая о колониях, в которых ему пришлось побывать, он говорил не о царящих в них порядках, а о способах, которыми легче всего уйти на волю. Порой он украшал свои рассказы немислимыми подробностями: где находится охотничья избушка, в которой всегда можно найти кусок прокопченной лосятины, и с какой стороны удобнее прорывать на зоне лаз. Но что действительно вызывало уважение к побегушнику, так это его неумная, почти фантастическая тяга к свободе; подобное нечасто можно было встретить у блатных, воспринимающих очередную отсидку как некий своеобразный рабочий момент. Так сказать, издержки опасной профессии.

В его побегах была еще одна странность, а может быть, всего лишь обыкновенное везение – его не пристрелили во время побегов, не забили прикладами солдаты, а собаки не разодрали горло. Он отделался всего лишь несколькими вполне безобидными ушибами.

Выслушав план побега, Резаный с минуту ошарашенно тараторил на Пашу Фомичева, потом нервно заморгал. Его взгляд говорил больше, чем самые красноречивые слова, – неужели в этом чертовом краю, находящемся далеко за пределами медвежьего угла, можно встретить человека, способного рассуждать так же здравомыслище, как и он сам. Если двое думают об одном и том же, то их трудно назвать сумасшедшими.

– Мы почти на острове, – сказал Резаный.

Паша Фомичев улыбнулся:

– Здесь все в порядке, у меня есть кое-какие наработки. Не хотелось бы открываться раньше времени.

– Без базаров, – охотно согласился Артур, зыркнув по сторонам.

Место для разговора Костыль выбрал глухое – самую окраину промзоны, где штабелями были свалены бревна, завезенные прошлой осенью с материка для какого-то очередного строительного прорыва. Сюда редко кто заявлялся, разве только что летом, чтобы под крик пролетающих птиц перекинуться в картишки.

– Нам нужен третий, – не без значения произнес Костыль.

– «Барашек», что ли? – гоготнул Артур.

– Он самый, если все пойдет не так, как планируется, – подтвердил Костыль.

– По личному опыту хочу тебе заметить, что «барашка» нужно выбрать помоложе. Потолще в наших условиях не получится, но помоложе – это реально. Хочешь, я сам подберу «барашка»? – предложил Артур.

Поначалу Костыль хотел было согласиться, но его насторожил неожиданный оптимизм Резаного. Не тот случай, чтобы доверять ему безоглядно, так и самому можно оказаться в роли закуски.

Костыль сделал озабоченное лицо, как бы раздумывая над предложением, потом произнес:

– Я держу одного лоха на примете, он подойдет нам по всем статьям.

Артур неопределенно пожал плечами, что должно было означать: твоя идея, ты и распоряжайся.

– Ты уж присмотри, я тебе доверяю. Здесь важно не ошибиться, а то потом этими костыми и поперхнуться можно. Знавал я одного такого, «быка»... Взяли на свою шею, так он во время побега троих своих сокамерников слопал. И такое вот случается. Если что от меня потребуется, дашь знать.

Третьего человека Паша Фомичев подбирал особенно тщательно. Идеально было бы выбрать стопроцентного лоха, доверяющего каждому слову, или неисправимого романтика, мечтающего о кусочке южного солнца с тем же вождением, с каким девственник думает о первой брачной ночи. Но такие экземпляры на особом режиме встречаются редко, а если и появляются, то больше напоминают мезозойский реликт. Придется работать с тем материалом, что имеется в наличии.

Свой выбор Паша Фомичев остановил на двадцатипятилетнем баклане с обидной кличкой Альфонс. Несмотря на полярную стужу, он сохранил юношеский румянец, пробивавшийся через его белую кожу алым наливом. Его цветущая внешность была обманчива, на зону он пошел по третьему сроку, причем впервые с «чалкиной деревней» познакомился в пятнадцать лет, откуда вышел вором отряда. Второй раз сел по банальному поводу – ковырнул собутыльника ножом, правда, сумел быстро выйти по амнистии; третий раз вышло серьезно: организовал притон с десятком девиц – голимая лимита, имеющая где-нибудь в ближнем зарубежье, в качестве приданого, древний курятник.

Через год стахановской работы троих из них нашли в подмосковном лесу с перерезанными горлами. Именно таким образом сутенеры наказывают своих рабынь, наградивших постыдной болезнью уважаемых людей.

Сутенеры – не самая почитаемая специальность в преступном мире, и потому блатные только морщили нос, когда Альфонс предпринимал попытки сближения. На зоне свои законы...

Разговор состоялся после ужина, незадолго до вечерней проверки. Отозвав Альфонса в сторонку, Костыль коротко изложил суть задуманного.

Альфонс почесал коротко остриженный затылок. Зевнул разок, а потом безразлично буркнул:

– Что мне это даст? Мне осталось сидеть четыре года. Как-нибудь протяну.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул Паша Фомичев, – кажется, ты проигрался Гоше. Сколько он тебе дал, чтобы ты вернул долг? Месяц?

Порыв ветра хлестко, пощечиной ударил в лицо Альфонсу, он невольно зажмурился и, чуть отвернувшись, хмуро поинтересовался:

– Откуда тебе это известно?

– Мне многое известно. Я знаю, что ты даже выдал ему записочку, что если в срок не отдашь проигранное, то с продырявленной задницей переберешься обживать петушиный угол.

Выступившая на щеках Альфонса кровь в вечерних сумерках выглядела серым налетом.

– Он обещал не говорить...

Костыль невесело хмыкнул:

– А он и не говорил, только за бревнышками, где вы играли, человечек сидел, он все слышал и при надобности сможет подтвердить.

– Понятно, – проглотил едкую слюну Альфонс.

– Так вот, хочу спросить, как же ты собираешься отдать этот долг? Убить медведя, освежевать его, а потом продать шкуру?

– Я отыграюсь.

– Такой долг можно отыграть, если играть целых две недели, день и ночь, и при этом ни разу не проиграть. А игрок ты, прямо скажу, неважнецкий, так что у тебя два выхода – или топать в петушатник, или идти в бега. Если ты согласишься, я обещаю, что ты еще прилично заработаешь. У меня есть человек, который выправит нам паспорта, и на воле ты будешь чистым.

– Это точно? – неожиданно оживился Альфонс.

– Бля буду! – веско заверил Паша Фомичев. – Во всяком случае, у тебя будет очень хороший шанс ухватить неплохой кусок. Это я тебе обещаю. На такую «капусту» ты сможешь куражиться года два, не меньше. Если же откажешься, то оставшийся срок тебя будут пахать во все дыры за полпачки «Беломора». Ну как, по рукам?

Неожиданный порыв ветра сорвал с макушки Альфонса кепку и весело покатиł ее по плацу. Альфонс чертыхнулся, досадливо поморщившись. Кепку поднимать с плаца не полагалось, это все равно что окунуться в дерьмо. Единственное, что оставалось Альфонсу, так это от злости со всей силы поддать головной убор ногой.

– По рукам, – выдавил из себя Альфонс.

За нарушение формы одежды полагался карцер, и он с тоской думал о том, что следующие три дня ему придется провести на земляном полу.

– Вот и поладили. А насчет «пидорки», – махнул Костыль в сторону упавшей кепки, – ты не переживай, есть у меня одна в запасе. Не хочу, чтобы ты заболел накануне побега, – и Паша широко улыбнулся обветренными губами.

Вряд ли Альфонс догадался об истинной причине его веселья.

Глава 4

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

– Ты ничего не напутал?

Костыль сделал вид, что засомневался, даже брови дрогнули и, чуть изогнувшись, сошлись на узкой переносице.

Губы Артура Резаного скривились в злорадную ухмылку.

– Я сначала не понимал, что же это он в санчасти делает? А потом, когда Зойку увидел, до меня дошло. Она все распорядается: дров наколи, да унеси их в подсобку, да в штабеля ровно уложи. Ну, мне стало понятно, просто к мужику клеится. А что в этом особенного? Наш бригадир парень видный, косая сажень в плечах, вот ей и захотелось. А ты посмотри на ее муженька – дохленький, заморыш северный!

– А как же их раньше-то никто не засек?

– Все очень просто, – терпеливо объяснял Резаный. – Бригадир на блядки один никогда не ходит и на шухере всегда «шестерку» свою ставит, Василька. А тот, если чего-то замечает, сразу в дверь стучит. Ну а любовничкам вполне хватает времени, чтобы привести себя в порядок.

– Как же ты до всего этого допер?

Костыль усиленно пытался делать вид, что его мало занимает рассказ Резаного. Но сам едва сдерживался, чтобы не рассмеяться от подвалившей удачи.

– А ты послушай, – возбужденно продолжал говорить Резаный, почувствовав, что Фомичева заинтересовал его рассказ, – у Васьки как-то раз живот прихватило. Когда он на очке мучился, я в это время в санчасть зашел. Прохожу по коридору. Слышу, какие-то уж очень знакомые стоны раздаются. Меня аж всего передернуло от возбуждения. Заглянул я в дверь, а там наш бугор посадил Зойку на стол, закинул ее ноги себе на плечи и солдатиком ее обрабатывает. Честно говоря, я едва удержался, чтобы за ним в очередь не встать.

– И что же ты сделал?

– А чего я сделал? Прикрыл аккуратненько дверь и на цыпочках по коридору вышел, чтобы их счастье хрупкое не спугнуть, а то заместитель по воспитательной работе мужик строгий. Ему может не понравиться, что его женушка таким успехом у блатарей пользуется.

– И ты никому не рассказал? – засомневался Костыль, впервые улыбнувшись.

– Бля буду, нет, – серьезно поклялся Артур, – тебе первому сказал, да и то для дела, может быть, и пригодится.

– Значит, ты говоришь, они трутся в одно и то же время, – задумался Костыль, понимая, что судьба предоставила ему еще один дополнительный шанс, пренебречь которым было бы так же глупо, как не воспользоваться расположением девицы, готовой к страстному соитию.

– Как электрички, точно по расписанию! – с энтузиазмом воскликнул Резаный, понимая, что Зойка и бригадир стали маленьким элементом их многоходового плана.

Паша Фомичев отпил из жестяной кружки чифирь. Горячая жидкость жарко разлилась по всем сосудам, усиленно гоня кровь. Невидимые кузнецы с завидным азартом застучали в висках.

Шел второй круг, а следовательно, напиток полагалось глотнуть дважды. Пить чифирь следовало без суеты, основательно, чтобы сполна насладиться его терпким и душистым ароматом. Костыль сделал еще один глоток и протянул кружку Артуру. Резаный был чифирищик со стажем, а потому никогда не спешил и как мог растягивал удовольствие. На этот счет у него была собственная нехитрая философия. К чифирию нужно подходить с душой. Это как обладать женщиной, предварительно обласкав ее. Приятность должна быть в теле, а от того желание только усиливается.

Резаный пил чифирь степенно, нахваливая каждый глоток. Чем-то он напоминал дворянина, вкушавшего изысканное французское вино в тенистой беседке яблоневого сада.

Он поднес кружку к лицу и шумно втянул ноздрями аромат, после чего, сделав глоток, долго не открывал глаз.

– Это нам очень облегчает дело. Когда наша Зочка идет в дежурство?

– Послезавтра.

– Отлично. Послезавтра мы пойдем в бега.

– А «барашка» ты нашел? – поинтересовался Резаный, поставив кружку на ящик.

– Не переживай, с голоду не умрешь. Встретимся завтра, потолкуем пообстоятельнее. Заготовь пока жранину, нож, спички. Спички не забудь положить в полиэтиленовый пакет. Ну что, теперь давай по три глотка, – Костыль взял кружку и почувствовал в ладонях живительное тепло.

* * *

Про Зойку говорили всякое. Та еще штучка. Можно было предположить, что слухи разгуливают по зоне оттого, что бараки набиты мужиками, напрочь лишенными плотских удовольствий. Но, впрочем, каждый знал, что байки не рождаются просто так и для их произрастания должно быть зерно спелое и здоровое.

Так оно и было в действительности. Девка Зойка была богатая, а по сибирским меркам состоятельная – в поселке, близ лагеря, имела кирпичный дом, что являлось для здешних мест большой роскошью, а золота в доме было столько, что из него можно было выплавлять даже дверные ручки. Свой капиталец она начала сколачивать сразу после того, как завербовалась вольнонаемницей на зону строгого режима и первые три года проходила без трусов. Столь откровенный шаг был не бескорыстный и, разумеется, не являлся актом благотворительности по отношению к голодным и осатаневшим без дамского общества мужикам – блатные щедро отчисляли прекрасной дамочке деньги за ее неслыханную смелость. Скоро бабенка вошла во вкус и старалась оправдать ожидания, а потому уверенно вышагивала по крутым лестницам, когда внизу толпились ээки и, выворачивая шеи, смотрели вслед колыхающимся полам белого халата. По надобности и просто из лихого озорства нагибалась в коридорах и не без томления в душе слушала за спиной одобрительные вздыхания своих многочисленных кавалеров. Поговаривали, что более удачливые зрители сумели познакомиться с Зоенькой поближе, это, в свою очередь, способствовало ее обогащению. Прodelки дамы не могли укрыться от всевидящего хозяйского ока, но хорошенькая медсестра пользовалась расположением начальника лагеря, и знающие люди говорили о том, что каждый вечер она заявлялась к нему в комнату, чтобы лечить точечным массажем от застарелого остеохондроза.

Через год, устав от прелестей сестрички, начальник переадресовал ее своему заместителю майору Гусеву, который неожиданно воспылал нешуточной любовью к обаятельной стервочке, сделав ее своей женой. Свершилось даже венчание, и молодой поп, оказавшийся на зоне за продажу церковного добра, обвенчал молодых в лагерной часовенке.

Похоже, что Зоенька после обретения статуса замужней женщины успокаиваться не собиралась и грешила по-прежнему, но делала это с большим бережением, оглядываясь на строгого мужа.

На этот раз ее взор обратился на тридцатилетнего бригадира с погонялом Кнут. Свою кликуху он получил не без оснований, так как выжимал из мужиков план не только обыкновенными зуботычинами, к которым все стали понемногу привыкать, а и плетью, которую носил за голенищем. Его не любили, и наверняка в эковской часовенке тлела не одна свеча за его досрочную кончину.

Кнут был хорош собой, в меру нахален, и забавная смесь наглости и веселости в глазах искусственной женщины только добавляла ему очков. Обаяние дурью перло от всей его несколько развязной наружности, и выбор Зоеньки пал именно на него.

И все-таки медсестра обратила на него внимание не сразу, и плоские штучки, отпускаемые в ее адрес забавным бригадиром, воспринимала всего лишь как обыкновенное мужское озорство. Но когда однажды он прижал Зойку в тупичке медсанчасти к стеночке и, не выбирая выражений, стал нахваливать ее прелести, при этом быстро шаря жадными ладонями по телу, она с ужасом поняла, что ее сил недостаточно, чтобы отшвырнуть красивого наглеца, а его грубоватые ласки доставили ей массу неведомых ощущений. Возможно, она отдалась бы ему в тот же день, уж очень жарко было внизу живота и слишком бесстыдно он тискал ее сдобное тело, но шаги за дверью заставили его отступить. А она так и осталась стоять на слабеющих ногах, в тщетной попытке отыскать руками опору.

Прощальный взгляд его был победным. Очевидно, так смотрит змея на свою жертву, обреченную на скорую кончину. Он кивнул, что должно было означать, мол, мы еще встретимся с тобой, детка. Мягко закрыв за собой дверь, Кнут беззаботной походкой затопал по коридору.

На следующий день он овладел Зоей на расшатанном стуле, практически без предварительных ласк. Точно так поступают завоеватели, ворвавшись в девичьи покои. И что удивительно, такое отношение к себе ей понравилось куда больше, чем обстоятельное майорское ухаживание.

Уже через месяц Зоя не могла обходиться без ласк Кнута. Она привыкла к нему точно так же, как больной, пораженный тяжелым недугом, привыкает к наркотическим препаратам. Даже ночами ей снилась жаркая ладонь Кнута, пустившаяся в короткое, но полное самых романтических ощущений путешествие – от колена до паха, и животный стон удовлетворенной самки частенько выводил из глубокого сна ничего не подозревающего майора.

Этот день Зоя ждала с особым нетерпением. Она с ужасом думала о том, что двух раз в неделю для нее уже недостаточно, тем более что майор все больше смахивает на престарелого мерина, чем на мужика. Она будет настаивать на том, чтобы Кнут удвоил свои посещения. К каждому свиданию Зоя подходила ответственно: непременно брызгала духи на свое нижнее белье, как будто бы ожидала, что вместо совокупления бригадир опустится до банального фетишизма; умело разрисовывала лицо, подкрашивала губы бледно-алой помадой и только после этого отправлялась на работу. Единственная деталь, которой она всегда пренебрегала, – это трусики, точнее, она их не надевала вовсе, что в первую очередь было связано с оперативностью любовного процесса.

Но в этот раз, вопреки обыкновению, она решила изменить заведенной традиции и захотела порадовать свое тело шелковыми черными бикини, которые смотрелись на ее круглой попке особенно возбуждающе.

Заклученные, заметив на территории хорошенькую медсестру, дружно вращали шеями, и даже петухи, привыкшие к иной форме обхождения, представляли ее в самых смелых позах. Зоя делала вид, что не замечает алчных мужских взглядов. Подобное внимание льстило ей, но спектакль заключался в том, чтобы сыграть свою роль так, будто вокруг ровным счетом ничего не происходит. И похоже, ей это удавалось. Хотя и заводило необыкновенно, надо признать.

Зоя уверенно прошла в свой кабинет. В это время санчасть всегда была пуста. Она накинула на плечи халатик и посмотрела на часы: через четыре минуты должен был появиться Кнут. Стоило сделать последний штрих – коричневым карандашом она обвела контуры губ и подровняла тушью ресницы. Критически осмотрела себя еще раз в огромном, почти во весь рост, зеркале. Вот теперь все.

Кнут не заставил себя ждать. Дверь, чуть скрипнув, распахнулась, и на пороге, сверкая надраенными кирзовыми сапогами, возник обольститель, улыбаясь во весь рот.

– Зоенька, ну я торчу, – шагнул он в комнату, тихо прикрывая за собой дверь, – против тебя ни одна чувиха не потянет. Если бы ты знала, моя кошечка, я никого и никогда так не хотел, как тебя, – крупные ладони Кнута опустились на плечи Зои. С минуту он созерцал ее лицо – гладкое, без единой морщинки, а потом быстро принялся расстегивать халат. Кнут всегда вел себя как мальчишка, впервые добравшийся до желанного тела, и позволял себе такие вольности, от которых даже у самой опытной бабы от счастья заходило сердечко. Натолкнувшись на узенькую полоску материи, он разочарованно отреагировал:

– Боже мой, а это еще зачем?

Зоя задержала пальцами его ладонь на своем бедре и взволнованно произнесла:

– Это тебе мой подарок.

Кнут заморгал, потом ответил несколько растерянно:

– Никогда не надевал женских трусов, – и безжалостно рванул резинку, освобождая ее тело.

Зоя не обиделась, лишь, улыбнувшись, заметила:

– Ты как неумелый подросток. Мог бы и приласкать меня. Вот здесь... Теперь сюда... Тут побольше, вот так, – задержала она его руку и, простирая, заявила: – Боже, как хорошо!

Не в силах больше себя сдерживать, Кнут посадил Зою на стол и бережно вошел в нее.

Запрокинув голову и обхватив Кнута, Зоя раскачивалась в такт, заставляя стол протяжно поскрипывать.

– А в коридоре кто-нибудь есть? – запоздало спросила она, открыв глаза.

– Ваську на шухере поставил, – выдохнул Кнут, сделав очередной уверенный выпад.

* * *

Застыв верстовым столбом, Василек стоял у дверей влюбленных, словно часовой у полкового знамени.

Хмыкнув, Паша Фомичев не без улыбки наблюдал за тем, как заместитель по воспитательной работе, в сопровождении Артура Резаного, выходящего у его ног вертлявой угодливой собачонкой, поспешал в сторону медсанчасти. Майор был угрюм, как утес в дождливый день, и на негромкие заверения Резаного лишь глухо отзывался:

– Разберемся.

– Я-то думаю, неспроста все это, – скулил Резаный, растягивая слова. – Он все за Зоей Ивановной увивается, как бы насилия какого не случилось.

Двумя резвыми прыжками Гусев взобрался на крыльцо и заторопился по коридору. Резаный, стараясь не отстать, нашептывал:

– Там Васька на стреме, вы бы, гражданин начальник, поаккуратнее.

Неожиданно майор развернулся, и Резаный разбился о грудь кума, словно пенящаяся волна о торчащую в море скалу.

Лицо майора было страшным.

– А тебе-то что за дело?

Артур невинно захлопал глазами, смущенно передернул плечом и с щемящей откровенностью заявил:

– Это... за справедливость я... вам хотелось помочь, гражданин начальник.

Гусев, не сводя расширенных глаз с Резаного, расстегнул кобуру, привычно извлек из нее табельный «макаров» и, помешкав секунду, несильно ткнул стволом в лоб стукача. Цепенея от ужаса, Резаный целую вечность наблюдал за спусковым крючком, на котором застыл палец майора.

– Если соврал... убью... Знаешь пословицу – доносчику второй кнут! – веско произнес Гусев.

– Ну падлой буду, так оно и есть, – закатил глаза к небу Артур.

– Пойдем, – распорядился майор, – только не топай, тепленькими хочу взять, – и осторожно зашагал по коридору.

Артур Резаный облегченно перевел дух и засеменил за майором. Его лоб покрылся испариной, ощущение было такое, будто бы он только что выбрался из свежевыкопанной могилы.

– Замри, – неожиданно возник в конце коридора майор Гусев, сжимая в руке пистолет. – Дернешься, пристрелю, – голос какой-то бесцветный и оттого особенно страшный. Васек отупело пялился на приближающегося Гусева. – Я не шучу! Ты же знаешь, у меня отсутствует чувство юмора.

Василек невольно отступил.

Артур возник возле него неожиданно – коротко взмахнул заточкой, и Василек грохнулся на пол.

Гусев с размаху ударил ногой в дверь немного выше замка. Металлический язычок, выдирая из косяка длинные щепы, лязгнул, и, зло скрипнув, дверь распахнулась. На столе, распластавшись, лежала голая Зойка. Кнут воровато вскочил со сдобного тела. Похоже, у Зои более не оставалось сил, она уныло поморщилась на возникшего в дверях муженька. Кнут оторопело пялился на Гусева, никак не попадая ногой в штанину.

Майор поднял руку и дважды выстрелил. Бригадир, вскинув руки, отлетел к противоположной стене, навсегда позабыв о спущенных штанах. Зоянька глубоко вздохнула и затихла. Так умирать можно только в раю.

– Бабу-то зачем, – огорченно заметил за спиной Резаный, – я ведь на нее виды имел.

Гусев рассеянно повернулся... и получил удар в шею заточенной ложкой. Семисотграммовый пистолет превратился в неподъемную ношу и, выскользнув из ослабевших пальцев, глухо стукнулся о ботинок. Второй удар заточки был направлен в живот и заставил майора сползти на пол.

– Ни себе, ни людям, – продолжал сетовать Артур, поглядывая на убитую Зою, которую уже не заботил стыд, она лежала неприкрытая, широко раскинув ноги. – Хоть бы поиметь дал перед смертью.

Похоже, майор что-то говорил, но вместо слов из горла выкатывались огромные кровавые пузыри и, пачкая острый подбородок, стекали на казенную рубашку. А еще через секунду он упал лицом на сапоги Резаного.

– Фу ты, падла! Что за народ эти менты, даже перед смертью решил напакостить, – отстранился зэк и, сорвав со стола пеструю скатерть, брезгливо отер испачканную обувь.

Паша Фомичев появился словно ниоткуда. Он вообще обладал удивительным даром материализоваться из окружающего пространства, причем делал это так же бесшумно, как привидение или мираж в пустыне.

В коридоре послышалось шуршание, кто-то невесело крякнул, заставив насторожиться Резаного, и еще через мгновение в проеме двери показался Альфонс, тащивший за ноги почившего Васька. Поднатужившись, он с шумом проволока покойника в глубину комнаты, голова убитого безжизненно стучала по каменному полу, выбивая какую-то печальную мелодию. Скорее интуитивно, нежели сознательно, Альфонс положил его около бригадира, застывшего в нелепой позе бегуна на длинную дистанцию, – дескать, и после смерти вам быть рядышком.

– Ну, чего встал, – прикрикнул Костыль на Альфонса, уставившегося на опрокинутого майора. – Забыл, что делать? У нас десять минут осталось!

Тот перевернул майора и со страхом вытаращился на Фомичева:

– Ну боюсь я, Костыль, пойми меня правильно. Напортить боюсь!

– А кто мне пел, что барашков свежевал.

– Ну то бараны! А потом, когда это было! – испуганно воскликнул баклан.

– Тьфу ты! – выругался Паша Фомичев. – Знал бы, не взял.

– Костыль, ну в натуре, не ершишь! Не могу я!

– Дай сюда! – вырвал нож у Альфонса Артур Резаный. – Учись, баклан. Жизнь большая, может, еще и пригодится.

С минуту он осматривал майора, чуть касаясь кончиками пальцев окровавленного подбородка. Так опытный парикмахер разглядывает дорогого клиента, прежде чем соскоблить проступившую щетину. Обхватив ладонями обе щеки, Резаный одобрительно крикнул. И, наклонив голову майора слегка вперед, сделал на затылке несколько осторожных надрезов.

Паша Фомичев невольно поморщился с отвращением, увидев, как медленно сползает скальп с черепа некогда грозного майора. Артур Резаный действовал решительно и очень умело, как будто добрую половину жизни провел в лесах Америки, воюя с неутомимыми племенами индейцев, где и научился мастерски лишать противника волосяного покрова. Несколько точных надрезов, кожа сошла и с лица. К удивлению Паши Фомичева, крови было немного.

– Согласись, я с майором одного росточка, да и комплекции у нас как будто бы похожи, – протянул вор, критически разглядывая себя в зеркало.

– Как будто бы, – пожал плечами Резаный, не смея спорить.

Паша Фомичев повернулся к Альфонсу и, процедив сквозь зубы ругательство, поинтересовался:

– Может, ты еще и покойников боишься?

– Нет как будто бы.

– А если нет, тогда раздевай майора, – со злой усмешкой приказал Фомичев.

– Ты это, в натуре, серьезно, что ли? – чертыхнулся Альфонс.

Паша Фомичев поднял «макаров», лежащий под рукой майора Гусева, и дружелюбно заметил:

– А ты, оказывается, у нас глухой, баклан.

Альфонс, глухо матерясь, наклонился над трупом и дрожащими руками принялся расстегивать китель.

– Ну, чего стоишь! – прикрикнул Фомичев на Резаного. – Сапоги снимай!

Через минуту майор лежал в одном исподнем. Костыль сунул пистолет в карман, не без брезгливости осмотрел галифе и, поморщившись, принялся одеваться. Застегнул китель на все пуговицы. Подошел к зеркалу – чего-то не хватает, и, ухватив со стола скальп, натянул его на собственное лицо.

Стоявший рядом Артур Резаный вздрогнул от суеверного ужаса: на него смотрело лицо почившего майора – те же глаза, усы, даже фигура приобрела какую-то характерность, чуть ссутулившаяся, с выставленным вперед правым плечом. Не хватало еще глухо закашляться в кулак, как делал частенько Гусев. И когда Паша Фомичев кашлянул, Артур невольно перекрестился, отгоняя от себя понабежавшую нечисть. Позеленевший Альфонс судорожно глотал воздух.

– Похожи? – наконец произнес Костыль, довольный произведенным эффектом.

– Ну легавым буду, не отличишь! – с дрожью в голосе проговорил Резаный, не в силах оторвать глаз от знакомого лица.

– В общем, так, – жестко проговорил Паша Фомичев, как бы привыкая к своей новой внешности. – У промзоны стоит грузовичок с тентом. Идите туда, без особой спешки, чтобы все выглядело, как обычно. Залезаете в кузов и сидите там тише мышей. Там есть какое-то шмотье, забросаете себя им на всякий случай, чтобы никто не заметил, и ждите меня. Я подойду минуты через три. Ну, чего встали?! – чуть повысил голос Фомичев. – На выход.

– У тебя кровь на кителе, – сказал Резаный.

Костыль глянул на себя в зеркало – полы кителя были залиты багровым. Впрочем, если не приглядываться, ничего страшного, а потом дорога до кузова не такая уж длинная, каких-то метров сто.

– Из кабины видно не будет, – резонно заметил он, – мне главное рожу показать.

Резаный дернул плечом, дескать, твое дело, ты и решай, и, увлекая за собой Альфонса, заторопился по узкому коридору.

Оставшись один, Костыль распахнул шкаф. На одной из полок стояла небольшая черная шкатулка. Легко ковырнув ее перочинным ножом, отомкнул. На бархатном дне лежало несколько золотых сережек, золотая цепочка и еще какая-то серебряная мелочовка. «Сгодится шалавам, когда на волю выберусь», – подумал Костыль. Он небрежно распахнул украшения по карманам.

Поднял скатерть, комом валявшуюся на полу, и тщательно отер ею пятно на кителе. Краем глаза зацепил лежавшую на столе Зою и уловил в душе нечто похожее на раздражение: тоже мне Отелло выискался, не мог со своей бабенкой по-доброму поладить. И, уже ничего не испытывая, бросил испачканную скатерть на ноги женщине.

По коридору Костыль шел по-хозяйски. Выйдя за порог, ненадолго остановился и коротким взглядом осмотрел весь лагерь сразу. Точно так должен был поступить второй человек на зоне, готовый выявить нарушения и незамедлительно покарать за них. Заключенные, заприметив вдали Гусева, невольно отворачивались в сторону, стараясь не напороться на очередную неприятность.

По зоне майор Гусев передвигался всегда неторопливо, заложив руки за спину, как если бы это был его приусадебный участок, и арестанты, встречавшиеся на его пути, поспешно уступали ему дорогу.

Павел Фомичев сделал шаг, потом еще один, такой же хозяйский. Важно не засеменить и не выдать себя поспешной походкой, а идти так, словно зона принадлежит лично тебе вместе с бараками, переполненными зэками.

Острый взгляд сверлил грузовичок, с каждым шагом становящийся все ближе. Парочка беглецов наверняка уже укрылась в кузове. Костыль невольно перевел дух, взявшись за ручку дверцы. Ключи от машины торчали в замке зажигания. Майор Гусев никогда не вынимал ключи из машины. Непонятно, что им руководило: обыкновенная глупость или вера в то, что каждый из заключенных уже твердо встал на путь исправления.

Костыль уверенно сел на водительское кресло, заставив грузовик чуть качнуться, и, призвав в помощь тюремного бога, повернул ключ зажигания.

Грузовик забился в легкой дрожи, мгновенно набрав обороты. Впереди, метрах в пятидесяти, стоял солдат второго года службы, которого заключенные окрестили Тихарь. Парень был откуда-то из Сибири, где не в чести были красные погоны, а поэтому наверняка писал любимой девушке, что служит в десанте в одной из «горячих точек» страны и каждый день рискует получить снайперскую пулю в голову. Он считал дни до дембеля и мечтал о том, что в первую же неделю перепортит половину девушек села.

В принципе, Тихарь был парень не злой. С ним всегда можно было договориться, и за хорошие денежки он мог принести из поселкового магазинчика не только пачку добротного индийского чая, но и что-нибудь покрепче.

Тихарь, щурясь на солнце, проклюнувшееся из серой пелены, наблюдал за тем, как майор старательно делает перегазовку. Весь вид Тихаря вопил о том, что служивый страстно желал дембеля: воротничок расстегнут, а автомат он держал так, как будто это была совковая лопата. Наряд у ворот едва ли не единственное место в зоне, где можно получить власть над офицерами. Здесь совершенно безнаказанно можно сделать вид, что запямятовал свое начальство в лицо, и воскресить память может только раскрытое по всей форме удостоверение личности.

Подобную развлекаловку проделывают даже первогодки, а для старичков это и вовсе потеха, будет о чем рассказать приятелям в казарме.

Обо всех этих особенностях солдатской игры Костыль знал и сам неоднократно наслаждался зрелищем, когда какой-нибудь командир взвода начинал лихорадочно рыться в карманах в поисках документа.

Грузовик уверенно покати́л в сторону ворот. Однако Тихарь даже не пошевелился. Прищурившись, он напоминал сытого кота, которого разморило тусклое северное солнышко. Костыль вытащил из кармана «макаров» и положил к себе на колени – отступить было некуда. После того, что они успели натворить, карцер в сорокаградусный мороз будет выглядеть шаловливой лаской лагерного начальства. До утра им просто не дожить. Причина их гибели будет вполне объяснимой – убиты при попытке к побегу. Позже завернут остывшие тела в холщовую тряпицу и снесут на эковское кладбище, где уже покоится пара сотен таких же горемык, помеченных для удобства номерами.

Костыль чуть насупился, почувствовав, что чужая личина неприятно стягивает кожу.

Если Тихарь надумает проявить бдительность и попытается попросить удостоверение, придется стрелять ему в лицо. И, не теряя драгоценных секунд, откатить машину назад, а затем с разгона опрокинуть ворота. Конечно, они сделаны добротно, с учетом всех норм, но шанс прорваться имеется. Во всяком случае, это куда лучше, чем быть разодранным кавказскими овчарками.

Можно было матерно прикрикнуть на зарвавшегося солдата, подобная форма неудовольствия будет выглядеть куда более убедительно, чем развернутое удостоверение. Но точно воспроизвести голос майора он был не в состоянии. На что сейчас был способен Костыль, так это буркнуть что-нибудь нечленораздельное. А следовательно, оставалось единственное – стрелять. Он взял поудобнее «макаров», чуть притормозил у ворот и даже выбрал точку на лице Тихаря, куда отправит первую пулю. Но неожиданно солдат встрепенулся и, надавив пальцем на пульт, заставил ворота прийти в движение. Открывались они неохотно, с натужным скрипом, будто знали тайну водителя. А когда просвет стал достаточным для того, чтобы проехать, грузовик, набирая скорость, вырулил за пределы лагеря.

Солдат уныло посмотрел вслед удаляющемуся грузовичку, трясущемуся по колдобинам, не подозревая о том, что всего лишь мгновение назад находился в шаге от верной гибели.

Костыль посмотрел в зеркало заднего вида. Ворота медленно закрывались. Неужели удалось! Неожиданно он почувствовал прилив сил: было одновременно страшно и весело, как это случается, когда несешься на огромной скорости, а впереди – неизвестность.

– Ну бля буду, ушли! Ну бля буду! – орал он, совсем не замечая недоуменных взглядов поселковых, встречавшихся на его пути.

Поселок кончился, дальше дорога через лес уходила к морю, откуда на пароме с материка прибывали этапы, техника и очередной призыв. Полуостров был небольшой, но очень глухой, крепко заросший настоящей тайгой, которую с севера на юг зубасто рассекали хребты.

Грузовичок, видно, прочувствовавшись настроением Костыля, весело прыгал на каждой кочке и косолапо переваливался с одного бока на другой. Ликуя, Костыль даже не сразу услышал, как в перегородку застучали – странное дело, но он успел позабыть о Резаном с Альфонсом, которых бросало в кузове, словно в трюме рыболовецкой шхуны в сильный шторм.

Ударил по тормозам, и грузовик, встряхнувшись на очередной колдобине, послушно застыл.

Костыль с размаху распахнул дверь, грубо сорвал ненавистную маску и безжалостно швырнул на дорогу, растоптав.

– Свобода, братва! – радости Костыля не было предела. – Я же сказал, что все будет путем!

Сграбастав край тента, он лихо вскинул его на крышу и увидел Резаного, сидящего на корточках.

– Тут такое дело, Костыль, наш компаньон, похоже, пообломался...

Альфонс лежал на дне кузова и корчился от боли.

– Что с ним? – поинтересовался Фомичев.

Кажется, начались проблемы, а пройдены только первые километры пути.

– Ты как сиганул, а мы тут на дне лежали. Ну, кузов туда-сюда трясти стало. А последний раз так трягнуло, что я башкой о борт стукнулся, едва мозги не вышибло, а Альфонс, кажется, хребет сломал.

– Шевелиться можешь? – спросил Костыль, приблизившись.

Бледное лицо Альфонса исказилось болезненной гримасой.

– Все путем, Костыль. Ты думаешь, мне кранты? Хрен-то! Я еще поживу, вот только спину чего-то скрутило. Полежу немножечко, оклемаюсь, а потом еще быстрее вашего побегу.

– Как тебя звать, Альфонс? – заботливо полюбопытствовал Костыль.

– Савелий.

– Хм... Редкое имя. Дело в том, Савелий, времени у нас нет, чтобы дожидаться. Дорога зовет, – честно сказал Костыль.

– Вы что, меня бросите, что ли? – в голосе парня звучало отчаяние.

– Опять ты меня не понял, милый мой, знаешь ты много, а нам это не с руки. Ну чего стоишь, Резаный, – прикрикнул Костыль на Артура, – задуши баклана, да и вперед.

– Такая закусь пропадает, – буркнул Резаный, наматывая кусок шнура на руки, и, поморщившись, произнес: – Извини, братан.

Согнувшись, он ловко набросил шнур на шею Альфонсу и, стиснув зубы, крепко затянул. Альфонс лишь вскинул руки и медленно затих, вытаращившись в брезентовый потолок кузова.

– А дальше-то что? – тускло поинтересовался Резаный.

– А дальше вот что. – Костыль сел в кабину. Артур плюхнулся рядом. – Если замечу что-нибудь такое... убью! Без предупреждения.

Машина съехала с наезженной дороги и покатила в противоположную от причала сторону.

– Ты меня знаешь. – Резаный попытался выглядеть непринужденно, даже попробовал расхохотаться, но страх, застывший в его глазах, заморозил улыбку в неестественную гримасу. – Ты меня хорошо понял?

– Обидеть хочешь... О чем базар, – заверил Резаный.

– Вижу, что понял, – довольно хмыкнул Костыль и уверенно, как если бы разъезжал по полуострову после каждой вечерней проверки, устремился в глубину леса.

– Ты знаешь, куда мы едем? – с сомнением озирался Резаный, глядя, как со всех сторон машину обступает глухой лес.

– Отзынь, – отмахнулся Фомичев и, не сбавляя скорости, устремился по едва заметной колее, пробивавшейся кое-где грязными проплешинами среди кустарника.

Вместе с последней ксивой, тщательно прошитой в нескольких местах суровыми нитками, была приложена довольно-таки подробная карта местности, на которой был намечен единственно возможный путь побега. Продвигаясь в глубину полуострова, Костыль осознавал, что Аркаша Печорский был прав, когда велел двигаться именно в эту сторону. Даже самый изворотливый милицкий ум ни за что не додумается до того, что беглецы отважатся на столь отчаянную аферу: двинутся туда, где не было жилья даже за сотню верст вокруг, зато имелась огромная возможность сгинуть без покаяния в одном из многочисленных болот. Но карта, переданная Аркашей, была составлена настолько точно, что Костыль узнавал даже небольшие повороты дороги. Через километр с правой стороны должна стоять полуразрушенная охотничья избушка. Так, поглядим...

Фомичев слегка придавил газ и, лихо объехав торчащий едва ли не в самой середине колеи пенёк, покатылся дальше. Так оно и есть. То, что громоздилось здесь, избушкой назвать было сложно, скорее всего свалка истлевших бревен. Они не годились бы даже для топки, но чувствовалось, что лет тридцать назад подобное строение выглядело весьма основательно.

– Ты знаешь, куда мы едем? – вновь спросил Резаный, с опаской поглядывая на сгустившийся лес.

– Заткнись, – коротко оборвал его Костыль, всматриваясь в дорогу.

Ага, точно так и есть. Дорога неожиданно оборвалась, уткнувшись в непролазный бурелом. Правее – огромный валун, и если пообтереть его от многовекового мха, то наверняка на шероховатой поверхности можно будет вычитать ребусы о трех дорогах, но на сей счет Костыль получил весьма четкие инструкции.

– Вылезай, – жестко распорядился Костыль, блеснув на Резаного белками глаз.

– Костыль, ну ты че, в натуре? – попробовал возражать Артур. – Ведь в одной телеге едем, один хомут тащить.

– Вылезай, сучонок, пока пинком не вышиб!

Резаный покорно прыгнул в мягкую траву, громко захлопнув за собой дверь.

Павел Фомичев выходить не собирался. Газанув разок, он вывернул руль влево, и машина, набирая разбег, подкатила к краю небольшого распадка. Колеса свесились в пустоту, и грузовичок, свалившись, нелепо уткнулся капотом в вязкую болотную жижу, издав хлипкий хлопок. Автомобиль погружался быстро, с хлопаньем, выпуская на поверхность огромные пузыри. Уже через несколько секунд из болота торчали только задние колеса. Еще мгновение, скрылись и они, оставив после себя только темно-зеленую колыхавшуюся поверхность.

– Ну чего встал, пошли, – ткнул в бок Резаного Костыль, – не век же тебе здесь куковать. Резаный не скрывал своей радости.

– Ну ты даешь! Я же тебя уже похоронил. Я думал, что от тебя одни пузыри остались, – торопился он вслед за удаляющимся Костылем, боясь отстать от него хотя бы на полшага.

– Рано ты меня хоронишь.

– Как же ты выбрался?

– Из кабины выпрыгнул. Ладно, побереги свои брызги, у нас сегодня немало дел.

Артур Резаный уже не спрашивал Пашу Фомичева ни о чем, ковыляя за ним, словно крохотная собачонка, всецело доверившаяся своему вожаку. Скорее всего у Костыля был какой-то свой план, о котором он не желал распространяться. Ладно, как говорится, побегаем – увидим.

Иногда Костыль останавливался, осматривался вокруг и, одобрительно хмыкнув, бежал дальше.

Похоже, что он, уподобившись альпинисту, хотел взобраться на самый гребень хребта. И, цепко цепляясь за торчащие кусты, приостанавливался только для того, чтобы оглядеть пройденное расстояние.

Артур Резаный тяжело сопел, задыхаясь от быстрой ходьбы, и с завистью поглядывал на Фомичева, который, словно крупный секач, вспарывал лбом буреломы, встречающиеся на пути, и с необычайной легкостью бежал дальше.

Наконец взобрались на перевал – узкую каменную полосу с опасно торчавшими останцами. Паша остановился, не без почтения посмотрел на подножие, где даже валуны выглядели гравием, и тяжеломерно присел на угловатую глыбину.

– Передохнем.

Рядом, шумно выдохнув, устроился Артур Резаный.

– Куда теперь?

Паша Фомичев звонко сцедил слюну через щербину между передними зубами и отвечал, будто не услышав вопроса:

– Нас, наверное, уже хватились. Если мы не улизнем отсюда часа через три... ну максимум, через четыре, то нас скормят волкодавам. Как пить дать! – И, весело посмотрев на Резаного, как-то заметно поскучневшего, поинтересовался: – Ну как, нравится тебе такая перспектива? Может, еще повернешь, а? Покаешься, а вдруг простят?

– Брось, – отмахнулся Резаный, – не в первый раз помирать. Может, еще выкрутимся.

– А ты, я вижу, оптимист, – сдержанно заметил Фомичев и уже серьезно признался: – Завидую!

Артур Резаный постучал себя по карманам.

– Тьфу ты! Сигареты уронил. Как же теперь без курева?

– Ты меня умиляешь, Резаный, – ему скоро собаки глотку начнут рвать, а он о никотине думает. Ладно, пошли, нечего рассиживаться, у меня есть еще кое-какие планы на жизнь, не хотелось бы, чтобы она прервалась столь похабно.

Костыль поднялся и, пнув носком сапога камушек, заторопился вниз. Неожиданно он остановился.

– Ты ничего не слышишь?

Резаный застыл, воровато покрутил головой и виновато произнес:

– Птицы орут, Костыль. А так, в натуре, ничего не слышно.

– Собаки лают, – удовлетворенно протянул Костыль.

Резаный невольно взглянул на напарника: с такой любовной интонацией мог говорить бывший легавый, вышедший в тираж, но уж никак не бродяга, добрую половину жизни протянувший в лагерях. Еще один ребус, мать твою! Но переспрашивать не стал.

Через час пути лес помельчал, и сквозь поредевшие кроны заблестела узенькая полоска свинцовой воды. Повеяло странной смесью свежести и йода, какая может быть только на берегу моря.

Фомичев ускорил шаг.

Скоро лес отступил совсем, сменившись на каменистую пойму. У обрыва, сопротивляясь порывам ветра, стояла выцветшая добела палатка. Неожиданно полог откинулся, и из нее вышел высокий сухопарый мужчина в штормовке и вязаной малиновой шапочке. Посмотрев из-под ладони в сторону приближающихся, он уже через минуту потерял к ним интерес, признав в них чужих, и, помахивая алюминиевым котелком, заторопился к небольшому обрыву, у основания которого тонкой струйкой пробивался родник.

– Засекут, – нервно произнес Резаный, – что делать-то будем?

– Спокойно, – не разжимая челюстей, произнес Костыль, – главное, не дергаться. И прими ты беззаботный вид, мать твою, считай, что ты не в бега ударился, а на рыбалочку вышел.

– Понял, – с натянутой улыбкой отреагировал Резаный, чуть расслабившись.

Мужчина в шапочке уже набрал в котелок воды и, осторожно ступая по камням, пошел в обратную сторону. А вода, плескаясь, крупными каплями падала на плоские камни.

– Отец, закурить не найдется? – жизнерадостно спросил Костыль, сделав навстречу несколько больших шагов.

Мужчина чуть приостановился, смерил Костыля мрачным взглядом и сдержанно поинтересовался:

– С поселения, что ли?

– С чего ты взял? – на лице Фомичева играла все та же располагающая улыбка.

– Что я, зэков, что ли, не видел? А потом на руки свои посмотри... Не нравятся мне ваши наколочки!

– А ты глазастый, отец, – веселья в голосе Костыля заметно прибавилось. Очень дурной признак. – Может быть, так оно и лучше, объяснять ничего не надо будет! Котелок бы ты свой поставил, а то, не ровен час, опрокинешь на себя. Неприятность выйдет.

Мужчина обернулся. Прямо в лицо ему упирался ствол «макарова».

– Не дури. Я не один здесь, – отмахнулся от вороненой стали дядька.

– Нам бояться некуда, побегушники мы, – задиристо сообщил Костыль. – Где лодка?

– Какая лодка?

– Не гони порожняк, – строго предупредил Костыль, – я этого не люблю, сам знаешь, нам терять нечего. Где лодка, спрашиваю?!

Неожиданно котелок сорвался с руки сутулого и, звонко ударившись о камни, покатился с дребезжанием по берегу, оставляя за собой мокрую дорожку.

– Лодки здесь нет. Мой напарник еще вчера вечером ее перегнал.

– Послушай, дядька, ты мне нравишься, но я начинаю испытывать некоторое чувство раздражения. Очень не люблю людей, которым приходится повторять дважды. Итак, спрашиваю в последний раз, где лодка?

Костыль несильно ткнул стволом пистолета мужчине в лоб, оставив чуть выше переносицы красный след.

Мужик распрямился и оценивающе посмотрел в глаза Костылю, как бы спрашивая, а не слишком ли тяжел для тебя венец смертоубийства, и, увидев в зрачках только холод, понял, что сомневался напрасно.

– Здесь рядом... за утесом.

И в ту же секунду у самой палатки раздался лязгающий звук. Его мог издать только затвор, вгоняющий в патронник смертоносную начинку.

Рука Костыля мгновенно откинулась в сторону, и, почти не оборачиваясь, он выстрелил в появившуюся из палатки фигуру. Вторая пуля досталась дядьке, угодив в самую середину его лба. Голова, как от сильнейшего удара, откинулась далеко назад, и тот, разбросав руки, упал спиной на каменистый берег.

– Силен, – только и сумел протянуть Резаный. – Смотри ты, а у палатки-то баба!

Паша Фомичев сделал шаг. Остановился. И, вытянув шею, поморщился:

– Фу ты, черт!.. И вправду баба!.. Не люблю я так... Примета плохая. Ну да ладно, может быть, как-нибудь обойдется. Как же ее сюда занесло-то? Рыбаки здесь должны были быть. Посмотри, что там в палатке.

– Ага! – мигом юркнул внутрь Резаный, и уже в следующую секунду раздался его ликующий голос: – Сало здесь! Килограммов пять будет!

– Карабин захвати, ну и про сало не позабудь, – бросил Фомичев, не оборачиваясь, и скорым шагом направился в сторону утеса.

Лодка лежала на берегу, вытянутая наполовину. Вполне сносная малышка, чтобы под двумя моторами пересечь полоску моря в пару десятков километров.

– Ты мне скажи, как это тебе удалось! – ликовав Артур Резаный, осматривая лодку. – Приходилось мне видеть везунчиков, но чтобы таких... впервые в жизни встречаю! Мы первые будем, кто с Заячьего полуострова ушел!

– Бензин проверь! – сдержанно погасил радость напарника Фомичев. – Не грести же нам по морю двадцать миль.

– Да здесь полный бак! С таким запасом до Америки добраться можно!

Костыль скрупулезно осмотрел мотор – не поврежден ли – и, убедившись в его целости, одобрительно хмыкнул:

– Порядок.

– Ну как ты все это знал?! – не унимался Резаный. – Ну скажи мне, откуда ты про все это знал? – Он бросил в лодку куль с салом и, едва ли не черпая голенищами студеную воду, принялся сталкивать лодку с каменистого дна.

– Сорока на хвосте принесла, – довольно хмыкнул Костыль, и, когда Артур Резаный тяжело перевалился через борт, брызнув водой, он лихо дернул за шнур, заставив двигатель ритмично заколотить клапанами.

Лодка, высокомерно задрав острый нос, пренебрегая легкими бурунами, устремилась в сторону материка, маячившего вдалеке светло-серой полоской тумана. Холодные брызги колючими иглами впивались в лицо. Было страшно и весело одновременно. Фомичев, устроившись на корме, умело управлял лодкой, прищурившись на сильный ветер, бивший в лицо.

Артур Резаный что-то восторженно кричал, но слов не было слышно. Похоже, он еще не отошел от эйфории. Морские чайки тревожно летели за лодкой, приближаясь совсем близко, едва не касаясь длинными узкими крыльями мокрых лиц. Берег неумолимо приближался, обрастая подробностями: отчетливо видна вершина, еще не отошедшая от снега, ниже холмистая равнина, очевидно, изрядно заболоченная. Не самый живописный уголок на планете, но, как правило, заключенные не выбирают тех мест, где им предстоит отсиживать срок.

Приблизившись к берегу, Павел Фомичев заглушил мотор. Некоторое время он всматривался в каменистый склон, как будто надеялся отыскать в расщелинах нечто особенное, и, когда на одной из вершин мелькнула оранжевая точка, он почти облегченно объявил:

– Теперь нас не достанут... Кажется, все.

Лодка, сделав на водной глади изящный изгиб, направилась к берегу и уже через секунду с глухим шорохом воткнулась в дно. Аркаша Печорский слово держит, все идет, как он и расписывал.

С каменистого склона навстречу беглецам двинулись три человека, поначалу почти точки, спустя минуту они выросли в различимые фигуры, среди которых выделялся один – крупный мужчина лет пятидесяти. В черном ватнике, мохнатой ушанке, смешно косолапя, он напоминал матерого медведя, вышедшего из дремучей тайги подышать студеным морским воздухом. По обе стороны от него шли мужики помельче. Весело подскакивая при ходьбе и пытаясь идти вровень с косолапым, они напоминали зверьков, старавшихся не отстать от вожака и делавших два поспешных шага на его один, неторопливый. В их внешности, да и в поведении ничего настораживающего – обычные мужички, надумавшие в выходные половить рыбки. Физиономии располагающие, даже жизнерадостные, и Костыль подумал о том, что давно отвык от подобных лиц. Неожиданно троица остановилась, и косолапый, не убирая с лица улыбки, коротко спросил:

– От Аркаши Печорского?

– От него самого, – стараясь улыбаться так же широко, отвечал Паша Фомичев.

– Мы уже четыре дня вас дожидаемся. Ксиву бы показал, – сдержанно и по-деловому потребовал косолапый и, сделав шаг вперед, протянул руку.

Требование весьма уместное. Они должны были знать, кому помогают, и, очевидно, делали это не бескорыстно, скорее всего троица оказалась в долгу у Аркаши Печорского, а может быть, точно так же, как и Костыль, когда-то проигралась вору в «три звездочки». Не понравилось другое – выставленная рука и заметно вялый шаг, сделанный будто бы в одолжение. Следовательно, оставшийся путь Костыль должен был проделать при полнейшей неподвижности косолапого, что само по себе факт малоприятный и ставит его в зависимость, а второе – отдавая свою ксиву, он остается на уровне солдата-первогодка, впервые вышедшего в увольнительную и за воротами части столкнувшегося со строгим патрулем.

Костыль сунул руку в карман, и его пальцы нащупали жесткий конверт из самой обыкновенной оберточной бумаги. В какой-то степени это послание, прошитое грубыми нитками, в этой части света могло служить охранной грамотой. Вся Сибирь практически состояла из заключенных, уже отсидевших, и тех, кто осел на поселениях без возможности вырваться в большие города и зажил обычным среднестатистическим гражданином. Совсем не исключено, что многие про Аркашу Печорского знали не понаслышке, сталкивались с ним на зонах и многочисленных пересылках, а если учесть, что личность он масштабная, то перед его ксивой многие из мужиков могли ломать шапки, как некогда перед грамотой государя-батюшки. С такими вещами следовало расставаться осторожно и очень обдуманно.

Паша Фомичев извлек из кармана письмо и сделал шаг, такой же небольшой.

– Вот она, малява, – вор продолжал улыбаться и усиленно делал вид, что ровным счетом ничего не произошло. – И почерк его. Твое погоняло?

Косолапый согласно кивнул, давая понять, что формальности улажены.

– Зови Хозяином. Так мне легче. Здесь на тысячу верст меня каждая шавка знает. – Он так же старательно изобразил, что не замечает сдержанности Паши Фомичева, и, одобрительно кивнув, поторопил: – Пойдем, время не терпит. Я тут связался со своими, ищут тебя. Пока не в той стороне, где нужно, все-таки ты на машине ушел, но скоро будут искать по всему полуострову, а значит, через день-другой могут и здесь объявиться, – затопал он в обратную дорогу, высоко поднимая ноги, стараясь не угодить на топкую кочку.

Хозяин не обернулся, но знал, что Паша Фомичев следует за ним, опасаясь отстать хотя бы на сантиметр.

Наконец Костыль догнал Хозяина и пошел с ним почти вровень; следом, изрядно поотстав, ковылял Артур Резаный в сопровождении двух низкорослых мужичков. Похоже, что они успели отыскать общий язык, и спутники Хозяина уже дважды одобрительно хохотнули над нехитрым арестантским юмором Резаного.

С Хозяином было сложнее – Паша Фомичев почувствовал это сразу, но вида не подавал, и когда косолапый бросал в его сторону редкие взгляды, то неизменно находил на лице Костыля дружелюбную улыбку.

– Вопрос можно задать? – повернулся Хозяин и несколько секунд изучал лицо Фомичева.

– Попробуй, – хмыкнул Костыль.

– Вас трое бежало, где же еще один? Не поладили, что ли?

– Не повезло ему, – честно отвечал Фомичев, вспомнив распластанное тело баклана.

– А ты у Аркаши Печорского раб или как? – прозвучал второй вопрос.

В голосе ни малейшего интереса, интонации выглядели даже чересчур нейтрально. Но совершенно необязательно быть дипломированным психологом, чтобы понять – вопрос главный, и от того, каков будет ответ, зависит и их дальнейшая судьба.

– Хм... А для тебя это важно? – улыбка Костыля чуть скомкалась. – Если это так, я могу передать твое любопытство Печорскому.

Сказанное прозвучало почти угрозой, правда, скрытой.

– Ладно, оставим, это не тот случай, из-за которого следует травить собственные нервы, – взобрался Хозяин на каменистую террасу. – Знаешь, Аркаша Печорский оставил тебе еще одну маляву. – И, опережая возможные вопросы, добавил: – Не надо спрашивать о том, как она попала ко мне, но он приказал, чтобы ты действовал точно по предписанию.

– Что там написано? – невольно вырвалось у Паши Фомичева и, поймав взгляд Хозяина, чуть ироничный и насмешливый, опомнился: – Ах, да! Захочешь, не прочтешь. Он ведь свои малявы запечатывает покрепче сургуча.

Хозяин привел Пашу Фомичева к небольшому сруб, спрятавшемуся в каменистой расщелине.

– Проходи, – распахнул он дверь и первый вошел внутрь. А когда на широких лавках разместились и остальные, он заговорил вновь: – Ночевать не советую. Время не то, чтобы прохлаждаться, теперь вам нужно уходить в отрыв как можно дальше. Чуть замешкаешься, так они сразу вас накроют. Не исключено, что они уже связались с береговой охраной и теперь у них в поле зрения каждая лодка.

– Невеселый вывод, – отозвался из своего угла Артур Резаный, который, похоже, еще не растерял былого оптимизма.

Хозяин повернулся к нему, внимательно посмотрел, словно заметил его впервые, и сдержанно продолжил:

– Какой есть. – Он поднял с пола небольшой кожаный мешок. – Здесь одежда и кое-какие документы. Если встретятся пограничники, можете им сказать, что вы рабочие геологической партии. Если спросят, какой именно, скажете, к примеру, «Майской». На сезонную работу геологи, бывает, набирают самый разный контингент. Встречаются и такие, что даже паспортов не имеют. А у вас все-таки документы приличные.

– Понятно, – взял в руку мешок Костыль.

Уверенным движением он развязал горловину, вытащил из мешка штормовку, брюки, свитер, одобрительно крикнул, натолкнувшись на шерстяные носки. Второй комплект одежды передал Резаному.

– Так чем вы здесь занимаетесь? – спросил Костыль, заправляя свитер в брюки.

– Скажем, не поверишь.

– А все-таки?

– Золотишко моем.

Все трое дружно расхохотались. Шутка удалась. Скупно улыбнулся и Фомичев.

– Ты просил маляву почитать от Аркаши Печорского.

– Ну, – захлопал глазами Хозяин. – Дашь, что ли?

– А почему бы и нет. Возьми, – бросил Костыль на стол распечатанный конверт.

Хозяин поднял серый лист бумаги и, развернув, принялся читать.

Паша Фомичев поднялся и отошел к двери.

– Да, еще вот что, ты спрашивал, не раб ли я Печорского. Так могу сказать тебе откровенно... раб. И в ксиве он пишет, чтобы я избавился от лишних свидетелей, – на лице Костыля появилась плотоядная улыбка.

Хозяин понял все, едва посмотрел в его сторону. Сначала в его широко открытых глазах обнаружилось недоумение, которое мгновенно сменилось на ужас, и в следующую секунду рука метнулась к поясу, где кокетливо торчала ручка «вальтера». И, не дотянувшись самую малость, он некрасиво дернулся, опрокинувшись спиной на бревенчатую стену. Второй выстрел достался кривоногому мужичку, он так и не успел посмеяться над очередной шуткой и принял пулю, открыв рот. Третий выстрел показался еще более громким, наполнив тесную избенку пороховой гарью. Последнему хватило времени, чтобы чуть приподняться с лавки, а потом, видно, не отыскав в себе более сил, он вернулся на место, свесив плетью длинные руки.

Тускло догорала коротышка-свеча, и мерцающий желтый свет робко падал на лица покойников, придавая им зловещие черты. Паша Фомичев по-деловому поставил «макаров» на предохранитель и заботливо сунул его в карман штормовки. Вытащил из сумки небольшой полиэтиленовый пакет, перетянутый шпагатом, и, развязав его, с одобрением прогудел:

– А Хозяин-то не наврал. Похоже, что документики в полном порядке. – И, глянув на Артура Резаного, застывшего на лавке истуканом, хмуро произнес: – Ты чего, уснул, что ли? Или на тебя так плохо пороховая гарь действует?

Резаный тяжело поднялся, выдохнув нечто, похожее на скрип.

– А я-то думал, что ты и меня... вместе с ними... завалишь.

Сунув документы в карман и застегнув его на большую медную пуговицу, Паша Фомичев не сдержал улыбки:

– А тебя-то с чего?

Резаный неопределенно пожал плечами.

– Мало ли? Может, я тебе не понравился. Может, обиду какую держишь, а может, приказ получил.

– На, бери свои корочки, – бросил Костыль на стол документы, перетянутые тоненькой резинкой. – Здесь они поважнее патронов бывают. Ладно, расслабься. Незачем мне тебя убивать. Поживешь еще. А насчет золотишка они не ввали, – обстоятельно заметил Паша Фоми-

чев, – шлиховое золото намывали. Посмотри там в углу! Свечу прихвати, – жестко распорядился Костыль, – не в темноте же ковыряться.

– Понял, – охотно откликнулся Артур и, не обращая внимания на воск, который щедрыми струями стекал по его ладоням, поднес свечу в угол. – Здесь какие-то мешочки, – развернул он один из них. – Песок, что ли? – недоуменно протянул он. – Красный, зеленый...

Костыль вырвал у него мешочек и строго приказал:

– Посвети сюда!.. Рукой не тряс. Хм... Вот оно, золотишко. Шлиховое, другого и не бывает. Ты посмотрел, на вес какое. В одном мешочке только килограмма полтора будет. Сколько их там?

– Еще два, – изменившимся голосом проговорил Артур. – А это точно золото? Не похоже что-то. Оно же желтое должно быть.

Костыль скептически хмыкнул:

– А ты думаешь, золото бывает только таким, какое во рту встречается? Шлиховое, оно всегда с примесями, вот поэтому цвет такой зеленый. Его ведь сначала обогатить нужно, переплавить. Ладно, хватит базара. Давай сюда мешки. Ого! Тяжелые. Их еще переть и переть. Похоже, что они скупщика ждали. Так что не удивлюсь, если, кроме легавых, нас еще и братва начнет пасти. Но не оставлять же столько добра!

– Верно, – охотно согласился Артур, передавая Костылю последний мешочек с золотом.

Как бы невзначай, он совсем ненадолго задержал его в своей руке, как это делает опытный оценщик, проверяя золото на вес.

– Все, делать нам здесь больше нечего, – объявил Костыль, аккуратно перевязывая горловину мешочка еще раз, и, уложив на самое доньшко рюкзака, поторопил: – Пошли, нам еще километров пятнадцать топать. Тьфу ты, черт, ксиву чуть не забыл. – На лице Паши Фомичева проступил нешуточный испуг, что само по себе было очень странно. Артур давно привык считать, что его напарник ничего не боится. И, опережая Артура, Костыль поспешнее, чем следовало бы, поднял с пола оброненное послание.

Глава 5

РЫБОЛОВСТВО – ДЕЛО БОГОУГОДНОЕ

Не дождавшись ответа, гости так и ушли ни с чем, оставив в душе Святого тяжесть.

Не выдержав, отец Герасим обернулся. Уже который год он в постриге, готов к тому, чтобы схиму принять, а сердечко от увиденного каждый раз замирает: на поросшем мохом останце, устремив медные маковки в голубую высь, стоял монастырь, обнесенный со всех сторон глухой каменной стеной.

Благодать божья, да и только!

Налюбовавшись, отец Герасим затопал дальше, как это привыкли делать монахи – без лишней спешки. Уже третий год, как отец Герасим пристрастился к рыбалке. Ремесло не хлопотное и во многом – приятное, забросил себе сеть и терпеливо дожидаясь от бога милости. Случается такое, что сеть приходится тянуть на берег бульдозером, настолько щедро бывает божья благодать. А в монастыре рыбу любят – жирна, вкусна и в постный день превеликая отрада.

Отец Герасим искренне считал, что рыболовство – дело богоугодное, хотя бы потому, что ближайшие апостолы Христа были рыбаками. А изображение рыбы частенько можно встретить на христианских храмах.

Поначалу он хотел взяться за ружьишко и добывать для братии глуповатых перепелов, но, увидев однажды птицу, растерзанную соколом-сапсаном, понял, что подобный промысел не для него. И что вряд ли он когда-то еще возьмет ружье.

Отец Герасим боялся признаться, но тягу к оружию он испытывал по-прежнему, и, что удивительно, она была куда сильнее, чем зов неудовлетворенной плоти. А однажды он увидел во сне, что застрелил человека. Перепугавшись, он осмелился на исповеди рассказать игумену про свое влечение. Выслушав откровения монаха и не сводя с него больших печальных глаз, повидавших на своем веку немало, игумен мудро ответил:

– Нет здесь твоего греха, сын мой, а сновидения еще и не таковыми бывают. Я вот старый, а иной раз так проберет, что еще и не такое в снах увижу. Важно, что ты преодолел себя и сумел воспротивиться желанию. Так что живи с богом.

Руки Герасима тосковали по прохладной поверхности оружия. И, если бы оно попало к нему в руки, он заласкал бы его сильными пальцами не менее горячо, чем это делает страстный любовник, встретившийся со своей любимой.

Однажды Герасим все-таки не выдержал и согрешил.

Это была тайна, которую он прятал даже от игумена. В его келье, под полом, в каменной нише находился тайник. Он узнал про него совершенно случайно, когда надумал поменять треснувшую половицу. А когда секрет открылся, Герасим был немало обескуражен. Похоже, что тайник существовал с самого основания монастыря. Трудно было предположить, что скрывали в секрете его предшественники – святыню, на которую решил позариться недруг, или бутылочку винца, утаенную от настоятеля, чтобы веселым глотком развеять на душе печаль от унылых монашеских будней. Но сам Герасим хранил здесь «вальтер» – красивую игрушку немецких оружейников. Он не смог бы ответить даже себе, зачем принес в святую обитель кусок адского железа, – скорее всего это желание шло из привычки ощущать в кармане сильную вещь, – но он тут же упрятал пистолет в тайник, надеясь, что похоронил его там навсегда. Герасим даже заставил себя не думать об оружии, и первое время это ему удавалось. Но через два года борьбы с собственной сутью он понял, что ему не удержаться. И если он не возьмет в руки пистолет, просто так, чтобы ощутить в ладонях его немалый вес, то непременно сойдет с ума.

Это случилось перед самой Пасхой.

Усердно помолившись и как бы тем самым загладив возможный грех, он решил достать из тайника «вальтер». Лично для него это было событие, сравнимое разве что со стремлением молодого любовника к желанной зазнобе да еще когда знаешь, что в любую секунду пылкое свидание может прерваться появлением ревнивого мужа. Закрывшись, отец Герасим извлек из каменной ниши пистолет, завернутый в белую холщовую промасленную тряпицу. Не сдерживаясь, Герасим вдохнул в себя запах оружейного масла и вдруг со щемящей тоской осознал, что никогда не встречал запаха вкуснее, чем этот. Возможно, так пахнут женщины, готовые к любви. Ах, давно это было. Подзабыл малость!..

Щедро смазанное оружие напоминало Герасиму дитя, еще не смытое от материнской пленки, такое же липкое и красивое. Опасливо посмотрев на дверь, он бережно развернул тряпицу, как если бы распеленал ребенка, и, не отрываясь, с полчаса любовался геометрически правильным куском металла. Подобная красота могла заморозить и менее искушенного человека, а что говорить о том, который знает об оружии почти все.

Налюбовавшись оружием, отец Герасим также осторожно завернул пистолет и спрятал его на прежнее место, понимая, что не в силах более совладать с собой и подобное созерцание наверняка продолжится уже завтрашним вечером.

Поднимая полы, отец Герасим перешагивал через мелкие ручейки, встречавшиеся на его пути. Он старался не думать об оружии. Не из страха перед богом, а из мелкого суеверия, которое живет даже в самом набожном монахе. Игумен говорил, что одна только мысль об оружии может накликать беду, потому что подобными помыслами заправляет дьявол, а следовательно, полагалось гнать их как можно дальше от своего сознания.

Сейчас его удел – это рыба. Желательно красная, которая во множестве водится в северных озерах.

В этот раз отец Герасим заготовил хорошие блесны. Он мечтал о спиннинге, оснащенном по последнему слову рыбацкой моды, с которым не стыдно выйти даже на Женевское озеро, но вместо этого использовал всего лишь консервную банку с загнутыми резаными краями, чтобы ненароком не расцечь ладони до крови. К банке приложена леска, на конце которой блесна. Обыкновенное пещерное орудие, но очень эффективное – блесна выбрасывается, и леска, сматываясь с консервной банки, падает в воду. Для монаха лучшего не придумаешь, а чернец, сжимающий современный спиннинг, – зрелище ядовитое.

От монастыря отец Герасим отошел недалеко, его привлекло небольшое проточное озеро, где он накануне усмотрел плещущихся хариусов. Гонялись друг за дружкой удалыми пострельцами, накликая на свои грешные души немалую беду.

Погода была теплой, безветренной. Если бы не духовный сан, снял бы с себя тяжелую рясу да, задрвав живот, побаловал бы тело солнечной ванной. Однако ж не положено.

Водяная гладь ровная, без признаков жизни, и только самый отчаянный фантазер мог предположить, что в многометровой толще может прятаться какая-то жизнь. Отец Герасим был как раз из того самого неисправимого племени.

Достав снасть, он наладил ее и с силой швырнул блесну в озеро. Бросок получился удачный: блесна, сверкнув золотой искрой, с тихим плеском ударилась о прозрачную поверхность и весело ушла на глубину.

Через секунду леска дернулась, но, несмотря на ожидание, все получилось внезапно. Отец Герасим не сомневался в том, что первая рыбина будет обязательно крупнее остальных. У рыб существовало что-то вроде субординации, и те, что помельче, пропускали к кормежке сначала крупные экземпляры.

Хариус был прекрасен – настоящая акула проточных вод. Расправив плавники, рыбина неохотно тянулась к берегу, а когда до каменистой отмели осталось всего лишь каких-то метра

полтора, она сполна проявила свой характер – попыталась свернуть в сторону. Проявив изрядное мастерство, отец Герасим не без удовольствия выдернул рыбу из воды. Он представил довольное лицо игумена, когда тот в строгий пост примется поглощать приправленную терпкими специями малосолку. Зрелище завидное – лицо старого игумена при этом светится так, как будто бы он держит на дряблых коленях вошедшую в сок молодку. Отругав себя за грешные мысли, отец Герасим в очередной раз швырнул блесну. В этот раз рыба попалась размером меньше, не удалась. Ну да ладно, ее можно засушить, тоже неплохо.

Блесну хариус захватывал без светских приличий – жадно и яростно. И поэтому крючок приходилось доставать из желудка рыбы, безжалостно разрывая ей внутренности цепким и острым жалом. Отец Герасим искренне читал молитву, понимая, какие мучения своими жесткими действиями доставляет пойманной рыбе.

Монах бросил очередную рыбу в общую кучу уже застывших с открытыми ртами хариусов, когда вдруг увидел, как с колокольни монастыря взлетела сигнальная ракета. Взобравшись на самый свод, она сыпанула зелеными брызгами во все стороны. И только после этого до него долетел негромкий хлопок, значительно приглушенный расстоянием.

Герасим в недоумении застыл, наблюдая за тем, как одна за другой гаснут зеленые искры, оставляя в атмосфере белесые следы дыма. Странное, однако, дело, прежде он никогда не замечал за монахами пристрастия к пиротехнике. И следом, азартно штурмуя высоту, выпустив белый шлейф, показалась еще одна ракета – на сей раз красная. Герасим понял, что в монастыре случилось нечто такое, что не укладывалось в обычные рамки размеренной монашеской жизни. Сложив улов в пакет, он заторопился в обратную дорогу.

Глава 6

КОЩУН В МОНАСТЫРЕ

Еще раз толкнув дверь, Костыль убедился, что она закрыта надежно, по всей видимости, на крепкую щеколду. Чувствовалось, что гостей здесь не ждут, и вообще, похоже, они тут не в чести. Оно и понятно – монастырь живет по своему уставу и пришлых не очень-то приваживают, дабы не вводить чернецов в искушение.

– Может, не слышат? Постучаться нужно, – нетерпеливо посоветовал Резаный.

Помедлив, Паша Фомичев ухватился за металлическое кольцо, прикрепленное к двери, и негромко постучал.

Затаился монастырь, будто ожидал дурного, а потом небольшое окошечко приоткрылось, и в нем показалась благообразная физиономия с темно-русой бородой, в самой середине которой обнаруживались редкие белые пропалыны. Глаза у монаха были спокойные, чуть печальные, именно такие очи любят писать богомазы на своих иконах.

– Что вам надо, добрые люди?

Не вопрос, а сплошное смирение. И только прислушавшись, можно было уловить раздраженные нотки.

– Отец, мы геологи, – начал Паша Фомичев необычайно бодро, – маршрут у нас мимо вашего монастыря проходит. Точку тут неподалеку ставили. Под дождь попали, – виновато показал он на свои ноги, – хотелось бы немного отогреться, отец.

В глазах монаха ничего не отразилось – одна безмятежность. Пауза показалась утомительной, где-то даже настораживающей, а потом сдержанный монашеский басок ненавязчиво заметил:

– Где же вы дождь-то нашли, господа хорошие? Гляньте-ка на небо, на нем уже трое суток тучек не было.

Паша Фомичев смущенно улыбнулся:

– Здесь нет, а там... – неопределенно махнул он на север, – уже в пяти километрах хлестал как оглашенный...

– Пожалте, господа, – шаркнула по металлу задвижка, и дверь, тяжелая, обитая кованым железом, на удивление мягко отворилась. – Правда, у нас тут не гостиница, развлечений не обещаю, но отогреться и обсушиться можете. А если голодны, можем и краюху хлеба с молоком подать. А иного у нас не заведено, да и не надобно нам...

– И на том спасибо, отец, – перешагнул порог Костыль, поглядывая по сторонам.

Следом, брякнув прикладом карабина о косяк, вошел на монастырский двор Артур Резаный.

Брови монаха переломились в дугу, и он, не повышая голоса, лишь добавив к нему еще одну, неслышную прежде нотку – сердитую, чуть с укоризной, – проговорил:

– Только бы вы, добрые люди, ружьишко-то свое оставили. Все-таки в храм божий заходите, а он не переносит чертового дыхания.

– Не ружье это, отец, а самый настоящий карабин, – бодро отозвался Резаный. – Зря волнуешься, в нем ведь и патронов-то нет. А потом, где же мы его оставим, за стенами монастыря, что ли? У калиточки у самой? А если его кто-нибудь подберет? Неприятность для нас большая может выйти. И потом, для чего нам карабин-то дается? Чтобы карты охранять секретные, – внушительно постучал он по груди, где, по его разумению, в широких карманах должны были прятаться документы. – За них ведь особый спрос. Места здесь беспокойные, сам знаешь, беглый люд встречается, вот и воспользоваться могут. Так что карабин я никак не оставлю.

– Дело ваше, – не без труда согласился старик, – а только мы ведь покой любим, люди добрые, вы бы не очень шумели.

– Не беспокойся, отец, – убежденно заверил его Костыль и зашагал следом за монахом, – все будет в полном порядке. Я у тебя вот что хотел спросить, здесь у вас один монах проживает, один мой хороший знакомый, отец Герасим. Не знаешь, как его найти?

Монах остановился и с любопытством посмотрел на Фомичева.

– Отчего же не знать, знаю! Только для какой надобности он вам сдался?

Лицо Костыля растянулось в простоватой улыбке. Его невозможно было заподозрить в чем-то крамольном.

– Мы, отец, по личному делу.

Выражение лица у монаха оставалось прежним. Глаза неподвижные, большие, чуть ввалившиеся, вот только искорка, прятавшаяся в зрачке, неожиданно вспыхнула интересом.

– Здесь нет личных дел, – и через паузу добавил, скользнув по рукам Костыля, черным от многочисленных наколок, – добрые люди. Здесь все дела божьи.

Старик не торопился вести гостей дальше и застыл в центре двора неприкаянным перстом, с высоты своего роста поглядывая на Костыля. Его невозможно было ни обойти, ни перешагнуть – очевидно, старик знал об этом, если только не опрокинуть его навзничь и не зашагать по бездыханному телу.

– Старик, ты меня начинаешь раздражать, – не убирая улыбки с лица, проговорил Паша Фомичев. В его голосе послышались угрожающие нотки. – Ты что – главный здесь?

– Возможно. Я игумен монастыря, отец Гурьян, дети мои, – без всякой интонации проговорил старик.

– Послушай, отец Гурьян, нам нужно повидать Герасима. Наверное, ты уже догадался, что мы здесь не случайные гости. И сюда мы отпехали не для того, чтобы сушить ноги. Нам нужен Герасим. Или по-другому – Святой.

– Дети мои, мне бы не хотелось докучать вам своими наставлениями, но я хочу напомнить, что вы пришли в божий храм, который живет по своим законам. А потом... были уже у него не так давно гости. И после этого он здорово изменился. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из моей братии терял покой. Вот что я вам скажу, добрые люди, видно, я обознался и принял вас за других, а теперь ступайте себе с богом. Ступайте! – шагнул старик чуть вперед, оттеснив Фомичева.

Улыбка с лица Костыля исчезла.

– Батя, ты, видно, не представляешь, кого ты впустил... И мы уже начинаем терять терпение. Хочу заметить, я очень не люблю тех людей, которые вынуждают меня идти на крайние меры. Ответь мне по-хорошему, где Герасим?

– Его здесь нет.

– Извини, отец, мы должны посмотреть сами. Хоть ты и божий человек, но я уже давно никому не верю, – слегка задев локтем игумена, Фомичев направился в сторону келий.

– Лукьян!.. Остап!.. – негромко позвал старик.

И тотчас, загораживая проход в кельи, из дверей вышли два монаха и уверенно зашагали в сторону гостей. Плечистые, огромные, с толстыми шеями и мускулистыми руками, всем своим видом они показывали, что монастырский хлебушек идет им впрок. Молчаливо, как это обучены делать только волкодавы, натасканные рвать любого ослушавшегося, они обходили Костыля с обеих сторон. Еще мгновение, и чернецы, скрутив охальнику руки, с позором выставят его за ворота.

Костыль рывком извлек пистолет из кармана и, не целясь, дважды выстрелил.

– А теперь еще раз спрашиваю, – спокойно, не повышая голоса, проговорил он, наблюдая за тем, как оба чернеца, согнувшись пополам, повалились, задыхаясь. – Меня интересует только Герасим. И ради бога, отец Гурьян, не надо больше звать никого на помощь, у меня патронов хватит на всю братию.

– Господи! Да что же это делается! – выскочил из собора шупленький чернец, ряса, явно не по размеру, просторно висела на нем. – За что людей-то сгубил! Да они же люди божьи! Они же никому плохого никогда не делали! Мухи не обидели! – причитал чернец, подскочив к Фомичеву.

– Ты мне надоел, – безо всякого выражения произнес Костыль, – я очень не люблю навязчивых людей, – и, вскинув «макаров», выстрелил в лицо чернецу. – О! Да нас здесь, оказывается, не так уж и мало, как мне представлялось в самом начале, – с некоторой веселостью в голосе воскликнул он. – Сколько же здесь братьев божьих? Ага!.. Набирается... пять... семь... Ох, ты... Вот еще двое появилось. Так, вижу, что с отцом Гурьяном одиннадцать будет. И еще трое покойников... нет, двое еще дышат, но это ненадолго, – махнул он рукой, – думаю, часа через два отойдут, да и кровушки уже изрядно вылилось. Но Герасима нет.

– Мы перевяжем их, – сделал шаг вперед отец Гурьян.

– Назад! – жестко проговорил Фомичев, наставив ствол пистолета в грудь монаху. – Я же сказал, что меня интересует Герасим. Где он?

Позади беззаботно хохотнул Артур Резаный:

– Костыль, а может быть, подождем с Герасимом. Ты посмотри, какой здесь народец приятный собрался. Я бы даже сказал, высшей степени приятности. Вон особенно тот пухляк, – показал он стволом карабина на молодого чернеца с едва пробивающейся светло-русой бородкой. – Ну настоящий бабец. Вот на кого я бы силы не пожалел, – причмокнул Резаный. – А что, перепихнемся, – подмигнул он, – говорят, что все монахи содомиты.

– Чтoб у тебя язык отнялся за такое богохульство! – в ярости воскликнул отец Гурьян. – Вот попомните мои слова, накажет вас господь. Не будет вам прощения даже на том свете!

– Вижу, что нас здесь не понимают, – печально выдохнул Костыль. – Жаль... Даже среди божьих людей не могу найти понимания. А что говорить об обыкновенных мирянах, те так и вовсе без сердца. А я-то думал, встречу в монастыре участие, покаюсь в грехах своих, приму причастие, а там, глядишь, на светлую дорогу встану, по-новому заживу. Оказывается, не судьба. Жаль, жаль, господи монахи.

Глаза у Артура Резаного нехорошо сверкали.

– Костыль, ну позволь, бога ради, с тем бабцом уединиться. А то от напряжения в висках стучит.

– Все-таки ты, Резаный, неисправимый романтик, – с некоторой грустью протянул Паша Фомичев, – я с тобой о серьезных делах толкую, а ты нашу беседу все на какой-то перепих сби-ваешь. Ну, право, нехорошо. Мы же все-таки воспитанные люди, прошли кое-какие университеты, кое-что в жизни понимаем. А ты? Ты представляешь, как плохо о нас могут подумать люди. Так что оставь пока свои развлечения и давай лучше поговорим о серьезных вещах. – Повернувшись к игумену, Костыль продолжал: – Ладно, допускаю, что его здесь нет, тогда вопрос, где он может быть и когда появится?

– Послушайте, – взмолился отец Гурьян, – давайте мы отнесем раненых, их еще можно спасти.

– Вы не прикаснетесь к ним, пока не ответите на мой вопрос! – коротко предупредил Фомичев, переводя взгляд с одного монаха на другого.

– Ну хорошо, – сдался наконец игумен. – Я его отправил из монастыря... на тяжелую работу. Такую у нас делают только послушники. Епитимью на него наложил. И вернется он завтра.

– Скверно... За что же ты, святой отец, Герасима-то наказал?

– Дерзок он был и в послушании слабоват, – не моргнув глазом, ответил игумен.

– Много я слышал о нем. Видно, не изменился. Похоже на него, – согласился Паша Фомичев. – Ты бы его в следующий раз розгами попотчевал. Говорят, мудрость, она через битье приходит. Ну да ладно, мы ведь понимание имеем и не злодеи вовсе. Забирайте своих мона-

хов, – повел стволом пистолета в сторону лежащих Костыль. – А то уйдем, а вы нас злыми словами будете поносить.

– Костыль, если уж сюда пришли, так, может быть, еще иконы посмотрим! – с загоревшимися глазами зашептал Резаный. – Они сейчас ведь бешеные бабки стоят. За одну такую икону можно столько «капусты» срубить, что еще и внукам останется.

– Чего, – поперхнулся Паша Фомичев, – о каких внуках ты говоришь, у тебя ведь еще и детей-то нет. А потом, насколько мне известно, бабы тебя, кажется, мало интересуют.

– Ну это я так, образно, что ли.

– Разобраться сумеешь?

– А то! – обиженно прогудел Артур Резаный. – Я ведь не всю жизнь в тюрьме сидел, кое-что тоже видел. У меня друган был, так он иконы коллекционировал.

– Так ли?

– Ну не совсем, – хохотнул Артур Резаный, – он коллекционеров за яйца брал, а я ему в этом помогал. В общем, поднатаскался, не ошибусь.

– Ладно, тогда давай быстрее, а я здесь постою да за монахами посмотрю, а то вон они как хмуро посматривают, того и гляди до смертоубийства опустятся. Ай-яй-яй! – печально покачал он головой. – А еще набожные люди, и не стыдно вам, господа хорошие?

Чернецы встретили слова Пашы Фомичева угрюмым молчанием. Откуда-то принесли носилки и осторожно уложили на них монахов.

– Ах, господи, какая жалость! – воскликнул Костыль, – кажется, они уже померли. Кто бы мог подумать, что в таких крепких телах может быть такая слабенькая душа. Стоять! – прикрикнул Фомичев на монаха, шагнувшего к нему. – Я не шучу. Я слишком много отдал, чтобы вот так глупо помереть. А теперь покажи, что у тебя за спиной. Железяка?! – очень искренне удивился Костыль. – Господи ты боже мой! Оказывается, даже монахи способны пойти на такой грех, а ведь их главная добродетель – смирение, если я не ошибаюсь. А теперь брось свое оружие на землю, – раздался глухой стук о булыжник. – Вот так, сын мой, главное – послушание, и тебе за это зачтется на том свете. Я дарю тебе жизнь, помни Пашку Фомичева, – скривился в злорадной ухмылке Костыль.

Через несколько минут, сжимая подмышкой охапку икон, из собора вышел сияющий Резаный.

– Ну бяка буду, старина! – завопил он на весь двор. – Ты посмотри, какие доски темные. Это они от времени почернели, – ликовал Резаный. – Да здесь целое состояние. Повезло так повезло!

С колокольни жажнула ракетница. Взлетев, ракета рассыпалась зеленоватыми огоньками. Вторая ракета была красной, выстрел ахнул под куполом колокольни, отозвавшись тонким мелодичным звоном.

– Да что же он, зараза, делает! – возмутился Резаный, поглядывая на пономаря, темной, почти зловещей тенью шнырявшего в проеме бойниц. – Ментов наводит!

– Дай-ка сюда! – бесцеремонно сорвал карабин с плеча Резаного Фомичев. Привычно щелкнул затвором, заставив переместиться смертоносную начинку в патронник, и уверенно стал отлавливать в прицел тощее тело пономаря. – Ну давай, давай, – миролюбиво упрашивал он, – откройся!

Пономарь, отрок лет двадцати, не замечая опасности, затаившейся внизу, взялся обеими руками за канат, чтобы разбудить многопудовый колокол. Но Паша Фомичев, отыскав его на конце мушки, злорадно стиснув челюсти, плавно надавил на курок. Ахнул выстрел, заставив вспорхнуть чайку, устроившуюся во дворе на куче мусора, и пономарь, картинно взмахнув руками, ломая дощатые перегородки звонницы, полетел вниз. Удар получился громкий, как будто и не человек упал вовсе, а ухнул с высоты мешок, набитый чем-то тяжелым.

– Уходим, если менты ракеты увидели, то скоро здесь будут! – заторопился Фомичев, увлекая за собой Резаного. – Карабин возьми.

– Да что же вы, ироды окаянные, сделали! – прохрипел от ярости игумен. Нижняя его челюсть мелко подрагивала, и теперь стало ясно, что он очень стар. – Он же еще мальчик совсем, ему бы еще жить да жить!

Игумен встал на пути Фомичева непреодолимой преградой: не обойти более и не перешагнуть. Паша Фомичев чуть приостановился и, не тратя больше времени на бесполезные объяснения, выстрелил в отца Гурьяна. Старик ухватился ладонью за грудь, пошатнулся и, как-то враз усохнув, повалился на булыжник.

– Иконы не забудь, – бросил через плечо Костыль и, наступив на распластанную ладонь старика, вышел за пределы монастырской стены.

Позади сопел Резаный и тащил под мышкой иконы. Дважды падали они в черное месиво дороги, и Резаный, вспоминая всех чертей подряд, вытаскивал из грязи запачканные доски.

Костыль остановился только через пару километров, когда проселочная дорога, наезженная обыкновенными телегами, вдруг неожиданно разветвилась, поворачивая к морю.

– Вот что, – выдохнул Костыль, сгружая с плеча золотую поклажу. – В двух километрах отсюда проходит железнодорожная ветка.

Резаный только неопределенно хмыкнул. Он уже убедился, что расспросами от Костыля ничего не добиться, кроме, разумеется, неприятностей. Резаного так и подмывало спросить про старателей на берегу моря, поджидавших беглецов чуть ли не как родных, про монастырь и про неведомого Герасима. И вообще, что может связывать такого вора, как Костыль, со святыми старцами, но он благоразумно помалкивал, полагая, что в этом случае может остаться не только без причитающейся ему доли россыпного золотишка, но и без самой головы. Все было намного серьезнее и запутаннее. И по местности Костыль шастал так, как будто бы имел перед глазами карту. Не сошло же на него провидение, наверняка его кто-то подучил и кто-то вел. Но это была тайна, которую Костыль не выдаст – не из той он породы, – даже если сам сатана будет тянуть его за язык щипцами.

А потом... Эта дорога. Откуда он мог знать про железку, да еще проходящую в нескольких километрах от монастыря. Такое впечатление, что после вечерней поверки он прогуливался ночами по окрестностям.

С Пашей многое было непонятно, но он притягивал к себе какой-то непредсказуемостью, тайной. С ним просто было интересно, даже в лагере, где единственное развлечение – колода карт. А что же тогда следовало ожидать на воле, которая ежеминутно – чего там! – ежесекундно манит соблазнами и полна самых непредвиденных ситуаций.

– Если говоришь, значит, так оно и есть, – не очень уверенно поддакнул Резаный.

Ему всегда казалось, что железная дорога проходит от этого места километров на сто пятьдесят южнее. Но Костыль говорил иначе, и оставалось только согласиться.

– Да уж поверь, – ехидно хмыкнул Фомичев. – В общем, так, каждый из нас может показать в свою сторону. Документы у тебя выправлены, с ними не страшно. Если что, могу дать адресок, тебе их заменят на еще лучшие. Золотой песочек мы с тобой поделим поровну... без обману. Доски эти, – показал он кивком на иконы, – можешь забрать с собой. Для меня это слишком громоздкие вещицы. Не допру! Иное дело золотишко, положил в мешочек и понес.

– Я с тобой, – твердо проговорил Резаный. – После того, что случилось... Ну как же я без тебя. Не бросай, Костыль.

Взгляд у Фомичева был очень внимательный, изучающий. Он уже давно никому не доверял.

– Ты усложнишь себе жизнь, Резаный. Я не из тех людей, кто принадлежит себе.

Подобную фразу можно было воспринимать как мягкую форму отказа. Все-таки Паша Фомичев – вор, элита, так сказать, лагерного общежития. И сотворен судьбой для того, чтобы

выбираться из самых запутанных ситуаций. А он, собственно, кто? Всего лишь Артур Резаный. Вечный побегушник. Баклан, одним словом, который живет сам по себе. И мужики от него далеки, и блатные к себе не подпускают.

– Ладно, надоело мне мотаться от одного берега до другого. Не гони меня, Паша, возьми с собой. Если хочешь, от своей доли откажусь в твою пользу, только не гони!

Такого поворота Костыль не ожидал. Самое лучшее – разбежаться в обе стороны, чтобы окончательно запутать следы, а следовательно, уцелеть. Если говорить откровенно, то для этой цели брали и третьего, который и при таком раскладе лишним не будет. Не исключено, что его использовали бы в качестве ужина, но кто знал, что ангел-хранитель, простив прегрешения, поспособствует свершению основного плана – наиболее благоприятного. И что через непродолжительное время они будут так далеко от лагеря, что и представить-то трудно.

На лице Фомичева заметно отразилось сомнение (даже самый неискушенный сумел бы его прочитать), а не полоснуть ли по горлышку единомышленника кусочком лезвия? И «хвоста» за собой не приведешь, и от свидетеля избавишься. Артур Резаный слегка распрямился и даже чуток повернул голову. Беззащитен, как поросенок перед топором мясника. Очень похоже поступают волки в поединке, подставляя более сильному противнику под оскаленную пасть незащищенную шею. В этом случае, словно бы устыдившись своей свирепости, соперник немедленно отходит в сторону.

Точно так же, действуя скорее инстинктивно, чем сознательно, поступил Артур Резаный, совсем не подозревая, что находился всего лишь в полушаге от преждевременной кончины. Именно эта доверчивость заставила Пашу Фомичева разжать пальцы, и заостренный обрубок опасного лезвия уткнулся в грязь, затерявшись навсегда.

– Хорошо... Поедем вместе. Но хочу повторить, что я себе не принадлежу. Хоть я и на воле, но кое-что должен, значит, не свободен.

Артур понимающе кивнул.

– Можешь не рассказывать, я знаю. Все-таки лагерь – это не город, каждый на виду.

– Ладно, – Паша Фомичев посмотрел на часы. Редкость для лагеря. А ведь каких-то несколько дней назад у него их не было. Это Резаный помнил абсолютно точно. Но не стал спрашивать о ходиках у Костыля, понимая, что тот опять ничего ему не сообщит. – Через четыре часа поедет товарняк. Останавливаться он не будет, а только притормозит на повороте, когда будет сопку объезжать. Скорость небольшая, вполне достаточная для того, чтобы мы запрыгнули. Но сначала еще нужно прочапать километра два по бездорожью.

Артур Резаный благодарно улыбнулся. Странно все это. Костыль знал про товарняк, который проследует не менее чем в двустах километрах от зоны, и говорил про него с такой уверенностью, будто ездил на нем едва ли не ежедневно. Чтобы понять Пашу Фомичева, нужны очень большие мозги.

– Спасибо... Разве это расстояние по сравнению с тем, что мы протопали.

Паша повернулся и, не дослушав, пошел через топкий кочкарник, очевидно, это была самая короткая дорога.

Глава 7

УХОД ИЗ МОНАСТЫРЯ

Опасения оправдались. Самые худшие. Монахи, стоявшие во дворе, встретили его злобным молчанием, как если бы вместо живого человека скорбно прошла похоронная процессия.

– Что случилось? – спросил Герасим, всматриваясь в помертвелые лица старцев.

– Были здесь двое, – тихо проговорил чернец лет пятидесяти, худенький, маленький отец Авраам, – похоже, беглые, трех братьев убили – отца Остапа и отца Лукьяна... Послушника Гурия жалко, он его из карабина пристрелил, когда тот ракеты со звонницы выпустил. А игумена... – чернец не договорил, махнул рукой и отвернулся.

Внутри Герасима все скукожилось, как от сильного холода.

– Что с Гурьяном?

– Жив игумен, – повернулся Авраам, – едва дышит. Они его в упор... из пистолета. Брат Александр до послушания врачом служил, сделал все, что мог, но говорит, в больницу нужно, иначе не выживет. Мы хотели его взять, но он ни в какую без тебя не хочет. Сначала, говорит, Герасима дождусь, – уже вдогонку закричал Авраам быстро удаляющемуся Герасиму. – Ты бы его не сильно тревожил, брат, уж слишком слаб...

Герасим уже не слышал, торопливым, не характерным для монаха шагом вошел в махонький флигелек, пристроенный к ризнице. На первом этаже, в самом конце коридора, находилась келья игумена Гурьяна.

Дверь Герасим распахнул шумно, как ворвавшийся сквозняк. В углу кельи на обыкновенной деревянной кровати лежал бледный игумен. Рядом, скорбя, сидело двое монахов. Старик повел рукой, приглашая сесть, и, едва Герасим опустился, немощно упала ослабевшая ладонь.

– Думал, не дождусь, – охнул Гурьян.

– Как же это так, – усиленно пряча отчаяние, протянул Герасим.

Глядя на беспомощного игумена, он понимал, что ни к кому не был так сильно привязан, как к этому старику. Гурьян никогда не выказывал Герасиму особого расположения, но, странное дело, он чувствовал, что игумен относится к своему непутевому воспитаннику по-отечески тепло.

– Тебя искали, сын мой... двое их было.

– Кто такие? – ахнул Герасим.

– Судя по всему, беглые. Зон здесь немало понастроено. Боюсь, что вернутся, тебе бы, сын мой, идти отсюда надобно... И не спорь со мной! – чуть повысил голос монах. – Секреты я твои знаю... Я ведь лет пятьдесят тому назад в твоей келье проживал, и тайничок мне знаком. Когда-то я в нем иконку прятал, древняя она... говорят, сам Владимир ее расписывал. Цены необыкновенной... А потом темные времена сгинули, я ее на иконостас установил, но кто мог знать, что кощун отыщется, иконку своими нечистыми руками испоганит.

Невольно, но старый игумен назвал слово, от которого шарахались самые прожженные эки, для которых вроде и нет ничего святого. Кошун. О таких людях говорили вполголоса, не из суеверия, а из боязни, что могут навлечь божий гнев. По-своему каждый заключенный набожен: купола, наколотые на пальцах и груди, некие символы того, что бог не отступится в трудный час. И эта странная смесь веры и попирания божьих заповедей как-то уживается в каждом уголовнике. Иное дело кошун. Существо малопонятное, уничтожающее своими действиями традиции, что чтились не одним поколением уголовников, – церковь. В первую очередь. А вместе с ней и крест – символ воровского братства. Только кошун способен обокрасть церковь, позарившись на икону. Каждому эку было известно, что подобный поступок не остается без наказания и всякого, кто посмел поднять руку на святыню, ожидает неминуемая кара. Одни из них загибались раньше положенного срока в расцвете сил от неизвестных болезней, другие

становились жертвами разборок, а третьи умирали непонятной смертью. Герасим помнил случай, когда один кошун был убит ударом молнии, в собственной квартире, через распахнутое настежь окно. И это при том, что стояла абсолютно ясная погода, а кошун в этот день весело отмечал день рождения в кругу приятелей. Для многих так и осталось непонятным, откуда взялась молния и почему она выбрала именно хозяина застолья среди большого многолюдья? Для всех, кроме искушенных. Виновник торжества был кошун. А бог всегда шельму метит.

– Я понял, игумен. Как их звали?

Старик чуть покачал головой.

– Тот, что повыше, Костыль, так отзывался. Павел Фомичев. Второго не знаю, с золотым зубом. Уходить тебе надо... Они придут... И еще вот что, Герасим, искали они тебя, а забрали иконку. Вот так-то! Иконку вернуть нужно. Не будет иконки, не будет монастыря, а вместе с ним и мы уйдем, – объявил старый игумен. – Заговоренная она.

– Я все понял, святой отец, – приложился сухими губами к жесткой руке старца Герасим. И, приподняв голову, почти потребовал: – Благослови.

Слабая рука ненадолго повисла в воздухе, описывая крест, и медленно опустилась на покрывало.

– Ступай себе, сын мой.

Герасим вернулся в келью. Извлек из тайника ствол. Привычно передернул затвор, нажал на курок. Раздался щелчок. Порядок. Герасим закрепил кобуру под мышкой – так сподручнее, да и за складками рясы не рассмотреть. Странное это, наверное, зрелище – монах в боевой амуниции.

Задерживаться дальше было ни к чему. Герасим взял полотенце, завернул в него краюху хлеба, бережно уложил запасную обойму от «макарова» и, крепко связав все, зацепил узелок обыкновенной палкой. Пора.

Братия уже прослышала о его уходе, терпеливо ожидала во дворе. «Все вышли, даже самые немощные», – с теплотой подумалось Герасиму. Остановился посреди двора, поклонился угрюмым лицам и шагнул за порог.

«Вернусь ли?» – подумалось ненароком.

ЧАСТЬ 2

ВОРОВСКОЕ ТОЛКОВИЩЕ

Глава 8

ЗНАЧИТ, НЕ ЗАБЫЛ...

– Да, я вас слушаю, – раздался спокойный и уверенный голос. Такой может принадлежать только благополучной даме, для которой самое большое недоразумение в жизни – это очередь в педикюрный кабинет.

Но Святой знал совершенно точно, что это не так. Он узнал голос Оксаны мгновенно, несмотря на то что не слышал его долгих восемь лет.

– Это я, – сказал он и не без колебаний добавил: – Святой.

Воцарилась пауза. Неприятная, затяжная, как будто прервалась связь. Герасим хотел поторопить Оксану, но она вдруг заговорила:

– Ты где? – Прозвучало жестковато, и Герасиму это не понравилось.

– Рядом с твоим домом.

– Значит, не забыл, – в этот раз голос был немного теплее.

– Есть вещи, которые не позабыть, даже если очень стараешься. К тебе можно... или у тебя какие-то другие планы? – Странно, но он разговаривал с ней так, как будто они расстались только вчера.

– Ты хочешь спросить, одна ли я? Ты не утратил такта. У меня есть друг. Но сегодня я решила провести вечер в одиночестве. Можешь считать, что твой звонок очень кстати.

– Так я зайду?

– Хорошо, я тебя жду.

Оксана жила на Большой Татарской. Дом был старый, массивный.

Герасим ожидал, что его встретит поблекшая женщина, уставшая от безалаберной жизни, с пожухлым лицом, единственным очарованием которого будут темно-карие печальные глаза. Но он увидел прежнюю Оксану, быть может, чуточку повзрослевшую.

Ей было двадцать лет, когда они расстались, и как ему тогда казалось, навсегда. Сейчас Оксане чуть меньше тридцати, тот возраст, когда женская красота вступает в ощутимую силу.

– Ты похорошела, – вместо приветствия сказал он, чуть улыбнувшись.

Не так они расстались, чтобы можно было кидаться друг другу на шею. Но он вправе был рассчитывать на поцелуй, пускай дружеский. Но этого не произошло. Оксана умело отстранилась от ненавязчивого прикосновения и произнесла:

– Глупости все это. Кожа уже не та, что раньше. Держусь на массаже и кремах. Но юной девочкой мне уже все равно не выглядеть.

– Жалеешь? – спросил Герасим, перешагивая порог очень знакомой квартиры, где мало что изменилось.

Оксана задумчиво пожала плечами, а потом откровенно призналась:

– Нет. Всему свое время. Кто знает, быть может, оно у меня сейчас самое лучшее.

Едва улыбнувшись, он невесело поддакнул:

– Надеюсь, что это действительно так.

– А ты один? – сдержанно поинтересовалась Оксана. И этот вопрос дал Святому понять, что между ними не такое уж бездорожье, как это могло показаться в самом начале.

– Один. Так сложилась судьба.

На губах Оксаны промелькнуло что-то вроде улыбки облегчения. Или ему все-таки это показалось?

– А правду говорят, что ты удалился в монастырь?

Герасим прошел в комнату. Нет, все-таки изменения большие. В комнате дорогая мягкая мебель, что свидетельствовало о безупречном вкусе хозяйки и о ее немалой платежеспособности. Ну, конечно же, еще паркет – диковинный, заморский, из каких-то дорогих пород дерева, в прежние времена его, помнится, не было. Сложно представить такую женщину, как Оксана, стоящей где-нибудь за стойкой бара или, скажем, секретаршей в приемной какого-нибудь финансового магната. Ее тело создано для того, чтобы ненасытные мужские руки пестовали его каждую минуту, а модные кутюрье проверяли на ней свои новаторские идеи. Тьфу ты, какие грешные мысли лезут в голову. А мирской воздух побуждает к греху. Надо бы поосторожнее, неизвестно, в какие дебри занесут подобные рассуждения.

Скорее всего у Оксаны есть щедрый покровитель, удовлетворяющий любой ее каприз.

Святой сел в кресло, подлокотники мягкие, удобные. Это не монастырская скамья, приспособленная разве что для задниц аскетов.

– Правда, – наконец произнес Святой.

На языке у него вертелась масса ядовитых ответов, но он решил ограничиться самым нейтральным.

– Боже мой, – неожиданно радостно всплеснула руками Оксана, – всегда мечтала совратить монаха. Как это романтично.

Села рядышком на диванчик, закинув ноги на край кресла, полы халата сползли вниз, обнажив гладкие длинные ноги.

– Думаю, что у тебя не получится, – покачал головой Герасим. – А потом – с момента нашей последней встречи во мне мало что изменилось. Уверяю тебя, ты не сделаешь для себя никакого открытия.

Оксана неожиданно сделалась серьезной, прикрыла ноги и ответила:

– Ладно, я пошутила. И все-таки, почему ты здесь? Я уже грешным делом подумала, что ты бросил монастырь из-за моих прелестей. Мне было лестно, поверь. Но похоже, что я не угадала.

– Это может показаться тебе странным, но я действительно очень хотел тебя видеть. Порой ты мне снилась...

– Надеюсь, не в эротических снах.

– Не скрою, бывало и такое, – взгляд Святого был откровенен и прям.

– О! Какие глаза! Еще немного, и я поверю, что ты вот-вот сорвешь с меня одежду.

С Оксаной все было не так. С самого начала. Герасим никогда не заводил с женщинами легкомысленных знакомств и даже если пользовался услугами проституток, то предпочитал проверенные кадры, зная, что ни одна из них не сыпанет ему в вино какой-нибудь отравы и не обчистит его спящего до нитки. Не хватало еще тратить силы на разборку с женщинами и их сутенерами.

С Оксаной все случилось иначе. Он прикипел к ней сразу, едва увидев. Она танцевала один из своих коронных номеров в стриптиз-баре, и от того, как высоко она задирала ноги, у всех присутствующих там мужчин перехватывало от похоти горло. Герасим не был исключением. И глотал сладкую слюну от каждого ее движения. Его не интересовало ее имя, ее прошлая жизнь, он знал абсолютно точно, что незнакомка, вращающаяся вокруг шеста, его женщина до самой последней капельки. Обычно танцовщицы не сразу идут на сближение, подозревая едва ли не в каждом посетителе бара потенциального извращенца, но Оксану ему удалось уговорить в первый же вечер. И это при том, что она имела репутацию недотроги. Значит, в нем девушка увидела нечто такое, чего не было в других мужчинах.

Их роман продолжался целый год, со сценами и объяснениями, как это нередко бывает между людьми, по-настоящему любящими друг друга. И быстро сошел на нет, когда Герасим стал чувствовать, что начинает привязываться к ней всерьез и готов променять воровской промысел на тихую гавань семейного бытия. Подобное обстоятельство не прибавляло ему авторитета. Скорее наоборот. Иное дело, иметь женщину, смилившуюся с ролью подруги. Никаких тебе обязательств и планов на ближайшую пятилетку. Женщина непременно должна знать, что красивое времяпрепровождение имеет и обратную сторону: когда-нибудь избранник, не сказав ни слова на прощание, может сгинуть.

Семья привязывает и накладывает обязательства, а следовательно, ты уже не вправе распоряжаться собственной судьбой. Оксана оказалась из таких женщин, кто желает стабильности, и, конечно, расставание между ними было уже predetermined с первой встречи.

Но даже сейчас, повзрослевшая, с грустью в глазах, она не перестала быть его женщиной. Это чувствовала и Оксана.

– У меня ни с кем не было так, как с тобой, – неожиданно произнесла она. – Ну я не про постель. Хотя здесь тоже все в порядке... Я говорю о нас. Мы хорошо понимали друг друга.

Святой вежливо согласился:

– Да, нам было хорошо. Не забывай, ты говоришь с монахом.

Оксана излучала мощную сексуальную энергетику. Вот и не верь после этого, что в каждой женщине прячется дьявол.

– А я ведь знала, что ты скоро объявишься. Однажды ты оставил у меня свой шарф. Белый такой... После твоего ухода я его хотела выкинуть, но что-то мне помешало, сама не помню что. А недавно перебирала вещи и натолкнулась на него. Представляешь, сколько лет пролежал.

– Берегла, – согласился Герасим и совсем непроизвольно подвинулся, коснувшись коленом ее оголенного бедра.

Теперь он отчетливо понимал, что ему не следовало приходить к Оксане. Возвращаться к своей прежней женщине это все равно что являться на пепелище давно сгоревшего отчего дома: ничего не остается, кроме горькой памяти.

– Может быть, вопрос и не к месту, но ты мне можешь сказать теперь, что же тогда произошло между нами? Почему ты ушел?

Вот она, женская логика! Затеять разбирательство через многие годы, когда на тропе прежних отношений вырос такой бурьян, что больше смахивает на непроходимые джунгли. А не лучше ли погрузить и вспомнить что-нибудь приятное или даже веселое из их совместной жизни. И потом, как ей объяснить, что он просто не мог поступить иначе, потому что на сходняке был выбран в хранители общака. Это само по себе было немалой честью. Намечалась довольно крупная акция по переброске денег в западные банки, в ней участвовали очень влиятельные люди. А потому решено было соблюдать строжайшую конспирацию, отказавшись от всех прежних привязанностей. Подобный вердикт никого не удивил, хранители принадлежали только общаку, являлись его жрецами и воинами. Каждый из них был наделен немалыми полномочиями. А уж Святой был посвящен в тайное тайных. Об этом вообще знали единицы...

Святой ответил как можно более естественней:

– Мне по-другому было нельзя.

– Это женщина?

– Боже мой, – вздохнул Герасим, – прошло столько лет, а ты все еще мучаешься ревностью.

Оксана чуть пожала плечами:

– Нет, просто мне интересно знать, что может быть для мужчин важнее любви.

– Мне было бы тоже интересно узнать, – Святой улыбнулся и, стараясь перевести разговор в другое русло, сдержанно поинтересовался: – Ты по-прежнему танцовщица?

– Господи, – всплеснула Оксана руками. – Вижу, что ты по-прежнему галантный кавалер. Ты не представляешь, как мне это нравится.

– А если серьезно?

– Ну какая же я, к дьяволу, танцовщица, – рассерженно произнесла Оксана. – Ты посмотри на меня, – беззастенчиво распахнула она полы халата, под которыми он увидел узенькие черные трусики, смотревшиеся просто великолепно на ее слегка полноватых бедрах. Надо было бы закрыть глаза, но Герасим не сумел. – Я поправилась на полтора килограмма. Разве кому-то интересно, когда по сцене скачет толстая тетка! А потом движения уже не те...

– Ты слишком строга к себе, – невольно взялся утешать ее Святой. – У тебя абсолютные пропорции. За тобой школа...

Оксана, похоже, не собиралась прикрывать ноги, а даже чуток подвинулась, чтобы он сумел в полной мере рассмотреть красивый узор трусиков. И вообще, она держалась так, как будто вела беседу не с человеком духовного звания, а со своим старым любовником, заскочившим на полчаса для очередного соития.

– Вижу, что ты действительно монах... У тебя прекрасно получается роль утешителя. Ответь мне... Кому в борделях нужна академическая школа танца?! – вполне искренне возмутилась Оксана.

– Ладно, спорить я с тобой не буду.

По привычке Святой посмотрел в угол, где по обыкновению стояли иконы, и, натолкнувшись усталым взглядом на убогую лепню в виде пузатого кувшина, понял, что прощения ему не видать. Уверенно поднявшись, он подошел к Оксане и нежно положил ей ладони на плечи.

Он раздевал Оксану неторопливо, сопровождая каждое движение поцелуем. И от легких, почти робких прикосновений Оксана невольно закрывала глаза, чувствуя, как ее тело переполняется сладостью.

– Твои руки стали очень нежными, – она чуть приподнялась, когда Святой медленно потянул узкие трусики вниз.

– Я слишком долго учился этому, – признался Герасим.

– Где? В монастыре? – удивленно вспорхнули ее ресницы, но лишь для того, чтобы сомкнуться вновь. Ее губы невольно дрогнули в истоме, принимая очередную ласку.

– Ты напрасно удивляешься, монастырь – это лучшее место, где можно научиться любить по-настоящему.

Герасим был не прав, когда подумал о том, что Оксана не изменилась. Девочка, почти подросток, которую он знал восемь лет назад, превратилась в красивую женщину, способную по-настоящему дарить радость любимому мужчине. Откровенная, сильная, она совсем не боялась распахнутого окна, и Герасим не без страха думал о том, что каждый невольный вскрик женщины становится достоянием дворовой общественности...

А когда наконец они исчерпали себя до дна и, откинувшись, устало подмяли подушки, Герасим признался:

– Я оставил тебя другой... Мне кажется, ты здорово изменилась...

– Это как? – с интересом повернулась Оксана.

– Ну... выросла, что ли.

– Приятно слышать такой комплимент, тем более от монаха.

Оксана взяла покрывало и попыталась прикрыть обнаженное тело. Нежное прикосновение остановило ее на полпути.

– Не надо, я еще не наелся тобой.

– Сильно сказано, – одобрительно поджала губы Оксана, – ну тогда смотри.

С вызывающим бесстыдством она откинула покрывало. Посмотреть было на что. Ее кожа казалась сотканной из мельчайших зерен мрамора. Такую скульптуру безо всякой натяжки можно было бы назвать «Удовлетворенная Венера». Но если от камня всегда веет холодом, то

тело Оксаны напоминало медленно остывающую жаровню, щедро источающую во все стороны нескончаемое тепло.

С такой женщиной, как Оксана, невозможно было оставаться бесчувственным. Она могла бы расшевелить даже скопца, и Святой почувствовал, как в нем вновь пробуждается желание, пока еще несильное, но через несколько минут он подомнет ее под себя азартно и восторженно.

– Мне казалось, что, кроме боли, подобная встреча ничего не принесет. Если мужчина изменил к тебе отношение, то с этим уже ничего не поделаешь. С этим нужно смириться и не напоминать о себе сентиментальными безделушками. – Оксана поморщилась. – Почему ты приехал? – она всплеснула руками. – Только не надо говорить о том, что ты явился сюда из-за моих прелестей.

– Я тебе не врал, когда говорил, что ушел в монахи. Так получилось... Расскажу как-нибудь потом, слишком длинная история. Так вот... В монастыре меня хотели убить. И это при том, что практически никто не знал о месте моего пребывания.

Лицо Оксаны слегка напряглось, обозначились острые скулы.

– Странно, – согласилась она. – Ты кого-нибудь подозреваешь?

– Здесь более-менее все ясно, – сказал Святой. – Это побегушники! Но меня удивляет другое, как тонко был разработан побег. Они преодолели очень большое расстояние. Они не утонули, не съели друг друга и точно вышли к монастырю. Следовательно, они знали, куда идти и что делать, а это возможно только при очень высоких покровителях. Вот так-то, моя прелесть. – Святой помолчал, а потом продолжил: – Мне нужно встретиться с одним человеком.

– С каким?

– Ты не знаешь этого человека.

– Меня разбирает обыкновенное бабье любопытство. Неужели не скажешь?

– С Шаманом. Разве тебе что-нибудь говорит это погоняло?

Оксана неожиданно вывернулась из его объятий.

– Разумеется. Это как раз и есть мой покровитель.

– Ты это серьезно? – спросил Святой, хотя понимал, что более глупого вопроса трудно придумать.

Она набросила халатик и, подойдя к зеркалу, стала поправлять сбившуюся прическу. Она напоминала птаху, только что подмятую похотливым самцом. Достаточно встряхнуться, малость почистить перышки, и уже ничто не свидетельствует о совокуплении. Странная особенность – женщины умудряются выглядеть невинно даже после самых страстных объятий.

– Одевайся, – жестковато распорядилась Оксана.

– Та-ак, – протянул озадаченно Святой, – похоже, что продолжения не будет.

– Когда ты должен встретиться с Шаманом?

– Тебя это не должно волновать... Допустим, вечером.

– Если ты не хочешь, чтобы ваша встреча состоялась раньше, тогда уходи. У тебя есть еще минут пятнадцать. Ко мне через полчаса должен прийти Шаман.

– Как ты с ним познакомилась? Никто из моих приятелей не знал о твоём существовании. – Герасим был изумлен.

– А ты думаешь, что только ты один ходишь в стриптиз-бары? Когда ты исчез, мне было очень одиноко. Я, как дура, ходила между столами, надеялась отыскать тебя. И когда я наконец поняла, что ты ушел навсегда, то в моей жизни появился Шаман. – Оксана отвернулась от зеркала и с отчаянием воскликнула: – Не отказывать же ему в таком пустяке!

– Разумеется, – улыбнулся Герасим, затягивая ремень на брюках.

Шаман был человеком с понятием. Заслуженный вор. И женщины в жизни Гриши Баскакова – Шамана занимали немалое место. Но в отличие от многих он умел привязываться к ним, а с некоторыми, даже расставаясь, не терял связи.

– А если я не уйду, ведь ты можешь сказать ему, что я пришел к тебе по старой дружбе. Все-таки нас многое связывало, – Герасим с удивлением обнаружил, что в его голосе возникли просящие интонации.

Оксана, крутанувшись еще раз перед зеркалом, небрежно разгладила платье.

– Право, ты как ребенок! Неужели ты думаешь, что он способен поверить в такую глупость?

Святой очень неплохо знал Шамана. Однажды разговорившись, Шаман рассказал, что сумел простить за измену свою первую любовь, из-за которой, собственно, и угодил в чалкину деревню. (Тогда он схватился с тремя жлобами на пляже, вздумавшими преподать красавице урок любви. Двоих он порезал тут же, а вот третьему удалось выжить, но теперь вряд ли его когда-нибудь вдохновит на подобный поступок обнаженная женская натура.) Шамана можно было понять – женщина не обязана хранить верность, если любимого запирают на десяток лет. С нее никто не берет клятв верности, на нее не надевают пояс верности, словом, бывалый обитатель тюрьмы понимает, что на воле у нее возможна какая-то своя жизнь. И, возвращаясь, ни один не осмеливается обвинять подругу в неверности, даже если она весь его срок отстояла под красным фонарем.

Совсем иное, когда вор покидает казенный дом – в нем просыпается инстинкт собственника, и он может запросто сцепиться с любым, всего лишь потому, что тот откровенно рассматривал его спутницу. А что уж говорить о том, если другой мужчина вдруг неожиданно посягнет на прелести его любимой?

Герасим невесело улыбнулся столь безрадостной перспективе. Шаман крут на расправу, и самый благоприятный исход для неудачника – быстрая смерть.

– Нет, не поверит.

– Тогда иди, через пять минут уже может быть поздно, – подтолкнула Оксана Герасима к выходу.

– А ты за себя не боишься?

На ее лице промелькнуло незнакомое выражение. Святой уже решил, что сейчас услышит коротенькую, но содержательную историю о том, что прежний ее возлюбленный был зарыт живым на Лосином острове, а она отделалась всего лишь единственной оплеухой. Но вместо этого Оксана произнесла:

– Тебя это не касается.

– Ладно, – согласился Герасим, взявшись за ручку двери.

Негромкую канареечную трель звонка оба восприняли как вмешательство в их общение третьего, посмеявшего бестактно прервать диалог.

– Дождался, – фыркнула Оксана. – Не открывать я не могу. Если я этого не сделаю, то он просто взорвет дверь, – и, не дожидаясь ответа, открыла.

В дверях стоял Шаман. Спокойный, сосредоточенный. За восемь лет, что они не виделись, Шаман практически не изменился, вот только в черных волосах серебрится тоненькая седая прядь, но это так, мелочь. А так по-прежнему молодец.

Сдержанно улыбнувшись, перешагнул порог, повернувшись к Оксане, произнес:

– Сегодня я без цветов, думаю, это сейчас не ко времени. Не обиделась?

– Нет, – отступила Оксана в глубину комнаты, боязливо, как махонькая собачонка, опасаясь, что ей могут отдавить лапу.

– Вот и славно.

Шаман не выразил удивления от встречи, и это было странно. Держал он себя безо всякой натуги, во взгляде ни разочарования, ни злобы, такое ощущение, что ему не в диковинку обнаруживать в спальне любимой постороннего мужчину.

– Расслабься, – махнул рукой Шаман. – Ты думаешь, я сейчас за нож схвачусь да начну тебя по кусочкам резать. Возможно, так и было бы лет десять назад, но за годы я набрался...

ума, если хочешь. А потом я к тебе гонцов не для того посылал, чтобы здесь разборки устраивать. – Шаман присел на кресло и повел носом: – Что за запах? Ах, да, совсем забыл, вы же здесь не чай распивали.

– Ты знал, что я буду здесь? – Герасим старался держаться спокойнее.

Он устроился в двух шагах от Шамана, заняв кресло напротив. Очень неплохая позиция, чтобы в случае нападения опрокинуть неприятеля ногами. В кармане пиджака лежал «макаров», установленный на боевой режим, если понадобится, можно будет выстрелить, не вынимая руки из кармана. Не беда, что в этом случае пострадает дорогой костюм, важно то, что уцелеет собственная шкура.

– Конечно же, знал. Это несложно было вычислить, поверь мне. Я навел справки, с кем ты встречался до своего добровольного заточения, и был очень удивлен, что это Оксана. Оставалось только поставить человека у ее дома и дожидаться тебя. Конечно, я мог ошибиться, но знающие люди говорили, что у вас было сильное чувство, и я им поверил. Как видишь, все так и случилось.

– Какой же ты все-таки!.. – воскликнула Оксана.

– Помолчи... – оборвал ее Шаман.

– Почему же в таком случае ты не зашел раньше?

– Откровенно?

– Хотелось бы.

– Мне просто не хотелось вам мешать. Было бы бестактно, что ли. Все-таки вы давно не виделись, вам наверняка хотелось не только отвести переболевшие души в душещипательных беседах, а и... как это сказать поделикатнее... вспомнить друг друга поближе, что ли. А когда время вышло, я решил нарушить ваш интим.

– Ты очень угадал со временем, – Герасим выглядел слегка смущенным.

Шаман неожиданно расхохотался:

– Нет ничего проще угадать момент, когда на кровать смотрит объектив камеры. Вы мне, ребята, доставили немало веселых минут.

Оксана закрыла лицо руками:

– Боже мой! Какая же ты все-таки сволочь!

– Твое счастье, что я не воюю с женщинами. Но свой грешок передо мной ты должна будешь отработать сполна. Во-первых, полгода ты от меня не получишь ни копейки, а во-вторых, своими непродуманными действиями ты нарвалась на изрядный штраф, а следовательно, должна будешь отработать его у одной из гостиниц. И не надо на меня так смотреть, я не зверь, а человек, который любит порядок, согрешила – будь добра, расплатись. В знак моего к тебе расположения я определяю тебя в «Метрополь», клиенты там останавливаются богатые, много иностранцев. Расплачиваются твердой валютой, так что, я думаю, ты даже не потеряешь, а где-то и выиграешь.

– Шаман, оставь!

– Извини меня, Святой, но здесь твое слово ничего не значит. Теперь это моя девочка, а значит, я сам решаю, как с ней поступить: простить или отправить на панель.

– Хорошо, во сколько ты оцениваешь ее грех?

– А вот это деловой разговор, – одобрительно кивнул головой Шаман. – Думаю, тысяч тридцать.

Святой сорвал с руки перстень – старинной работы, но не тот, что полагался ему как хранителю общака, а просто очень на него похожий, и сдержанно проговорил:

– Эта вещица стоит больших денег, возьми ее пока в залог, когда у меня появятся деньги, я отдам тебе тридцать тысяч.

Помедлив, Шаман ухватил перстень двумя пальцами и, глянув на камень, оценил:

– Изумруд. Золото. Тонкая вещь, ничего не скажешь, умели в старину работать. Ты думаешь, я откажусь, Святой? Ничего подобного, возьму! Это тебе будет наука. Здесь не монастырь, с возвращением тебя в циничный мир. – Он сунул перстень в карман и, повернувшись к Оксане, покорно ожидающей своей участи, небрежно бросил: – Ты свободна. Иди погуляй, что ли... Нам нужно поговорить.

Оксана обиженно дернула головой, и густая темно-русая прядь тяжело колыхнулась, рассыпавшись по плечам. Неприветливо щелкнул замок, послышался рассерженный стук каблучков.

– Как она тебе? – с любопытством поинтересовался Шаман, ткнув через плечо большим пальцем. Святой промолчал. – Вижу, что разочаровался, – подбородок Шамана капризно дернулся. – А по мне так ничего. Особенно когда раззадоришь... Она так подбрасывает, что летишь под самый потолок.

Глаза у Шамана небольшие, чуть раскосые, с легким прищуром – подарок от предков половцев, смотрит так, будто душу наизнанку выворачивает.

– Тебя это очень интересует? – бесцветным голосом спросил Святой.

– А что, поделился бы по старой дружбе. Помнится, до твоего добровольного заточения мы с тобой не только впечатлениями делились, но еще и бабами... А? Или ты уже подзабыл? – неожиданно лицо Шамана расплылось в широченной улыбке. – Понимаю тебя. Просто в монастыре ты форму потерял, без баб-с.

Действительно, стоило пообщаться с Шаманом, чтобы понять, что пребываешь не в монастыре, где самое страшное наказание – епитимья игумена, а в мире человеческих джунглей, с которым, казалось, распрощался навсегда. И в Святом мгновенно проснулись прежние инстинкты. Так бывает с диким зверем, долгое время жившим в клетке и наконец вырвавшимся на свободу. Сначала он с трудом верит в собственное освобождение и, задрав морду, чутко принюхивается к тревожным запахам, а среди гаммы незнакомых и очень манящих запахов старается распознать родной – запах клетки. И, не обнаружив его, уверенно идет дальше, подчиняясь своим инстинктам, главный из которых: рви другого, чтобы не погибнуть самому.

Лицо Святого помрачнело.

– Не испытывай моего терпения, Шаман. Даже у бывшего монаха оно не беспредельно.

Шаман довольно крякнул:

– Ну наконец-то, я все-таки тебя растряс. Узнаю прежнего Святого! Кажется, мы с тобой назвались братьями. Ты это в голову не бери, можешь забыть, если тебе это в тягость... В этом мире многое изменилось, пока ты отсутствовал. Не буду скрывать, я тоже стал немного другим.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил Святой, стараясь выглядеть спокойным.

– А вот это уже разговор по существу, – одобрительно продолжил Шаман. Он неторопливо извлек из кармана пачку сигарет и, выбив щелчком две штуки, предложил одну из них Святому. Натолкнувшись на чуть насмешливый взгляд Герасима, с досадой сунул сигарету обратно. – Извини, забыл. – И, уже шутливо поглядывая на прежнего монаха, протянул: – Насколько мне известно, прелюбодеяние – не самый страшный грех, вот коптить адским зельем, это да! Ну да ладно, оставим это. – Он поспешно прикурил, заметив, как жестко сжались губы Святого. – Есть у меня одна идея, только не знаю, как ты к ней отнесешься. Рискованно это очень, но и по-другому нельзя.

– Говори.

– Если я без труда узнал, что ты находишься здесь, следовательно, о твоём прибытии скоро узнают и другие. Но что отрадно, ты пока еще жив, а значит, у нас есть немного времени. Наверняка тебя будут поджидать в твоих излюбленных местах: в барах, в казино, в ресторанах. А как только ты там появишься, тебя захотят убрать...

– Или взять живым, – хмыкнул Герасим.

Шаман кивнул, затянувшись горьким дымом.

– Допускаю и такое. Следовательно, ты владеешь информацией, которую они хотели бы получить, а как только получают, я не думаю, что они станут хранить тебя, как музейный экспонат. Скорее всего перережут горло да выбросят где-нибудь в проходном дворе. Поверь мне, эти ребята без сантиментов.

– Так в чем заключается твой план?

– Продолжаю, – сдержанно проговорил Шаман, сузив и без того узкие глаза. Лицо его при этом приобрело зловещее выражение.

Когда-то Гриша признался, что все его предки по материнской линии были шаманами. Особенно сильный дар был у деда Гриши, белого шамана Грозовой тучи. Вор не без содрогания рассказывал о том, что когда его пращур впадал в транс, то безошибочно угадывал не только судьбу человека, но даже день его кончины. Подобные игры не следовало считать озарением; дед Шамана поведал о том, что во время транса нечистые силы переводят его по ту сторону бытия, там он получает ответы на все интересующие его вопросы. Возможно, однажды он увидел больше, чем следовало знать простому смертному, потому что умер во время сеанса с перекошенным от страха лицом.

Не исключено, что Гриша продолжил бы дело деда и, возможно, превзошел бы его по части медитаций, если бы однажды не пристрелил в лесу старателя, позарившегося на его ружье. Причем, когда его пришли арестовывать, он немало был удивлен, что причина тому убитый старатель. Вор не должен был жить, и его смерть Гриша считал вполне закономерной, ведь именно таким образом поступали все его предки, уже не одно столетие сосуществующие рядом с каторгами и лагерями.

А еще через несколько лет он перековался, стал законным и вспоминал себя прежнего с усмешкой, а на бесхозную вещь смотрел с профессиональным интересом.

Дар почивших предков не умер в Шамане, и под его взглядом собеседник невольно начинал ежиться, словно в черных зрачках видел целую дюжину чертей.

– Нам бы хотелось, чтобы ты не прятался. Посетил бы свои излюбленные места. Вел бы себя непринужденно, как будто бы ничего не подозреваешь. Мы тебе дадим денег: играй в казино, развлекайся с девочками. А как только мы определим, кто за тобой увязался, так тут же возьмем этих людей в оборот. Уж очень интересно знать, чего же они хотят.

– Занятный план. А ты не думаешь о том, что я все-таки еще и монах?

– Об этом забудь. Так решили бродяги, прежде чем служить богу, ты сначала дал клятву нам.

Выхода не было, уж Шамана-то Святой знал. Достаточно произнести слово «нет», как он мгновенно разрядит ствол в названного брата со словами: «Так надо».

– Но мне кажется, что ты не подумал о том, что они могут просто опередить вас.

– Это как? – сделал невинные глаза Шаман.

Временами он казался очень наивным, ну прямо бесхитростное дитя степей. Но на самом деле за этими простецкими репликами скрывалась невероятная хитрость.

Герасим не удержался и произнес с заметным раздражением:

– Оставь свои фокусы, Шаман, для других, на меня они не действуют. – И уже спокойнее продолжил: – А ты не подумал о том, что они меня пристрелят сразу, как только обнаружат?

– Они тебя не убьют... Это точно... Во всяком случае, сразу. Допускаю, что могут выкручивать тебе пальцы, забивать иголки под ногти, но это уже детали. Их интересует информация... И не надо мне говорить, что ты ею не владеешь, – замахал Шаман руками, глаза его при этом расширились, и он очень напоминал огромную полярную сову – чуткую, нервную, способную вцепиться мощными лапами в лицо обидчика.

Шаман загасил окурок о край блюдечка, помолчал немного, потом продолжал:

– Твои секреты меня не волнуют, ты обязан их беречь... Так же как я свои. Нас больше интересует, что это за люди, которые лезут в карман общака. Нам известны шесть счетов, с которых исчезли очень крупные деньги. Три в Лондоне, два в Нью-Йорке и один в Париже.

– Какая сумма?

Шаман медлил с ответом, существуют вещи, о которых не следует знать даже самым приближенным.

– В общем, скажу так, не называя суммы. На эти деньги все тюрьмы и зоны России могли бы существовать в течение десяти лет очень безбедно... даже если бы каждый день ээки ели икру ложками. – И через паузу добавил: – И у стен есть уши.

Святой понимающе качнул головой:

– Вижу, цифра действительно очень большая. Но какое отношение к этому имею я?

Уголок рта Шамана неприятно дернулся. Вор достал очередную сигарету. Размял ее тщательно, так что золотые соринки густо просеялись на полированный стол. Зрачки его расширились, будто он отведал отвара из мухоморов.

– Сейчас объясню, – терпеливо ответил он. – Часть денег с зарубежных счетов была перечислена в три московских банка, и через несколько дней деньги были сняты... одним мужчиной.

– Почему же этот перевод никого не насторожил?

– Здесь тоже есть свое объяснение. – Не замечая раздражения Святого, Шаман сдержанно продолжал: – Никто и в мыслях не смог бы предположить, что деньги испарятся таинственным образом. Они были предназначены на текущие дела: пенсии, организация сходняков и все такое. А когда надумали сделать перерасчет, то пропажа обнаружилась, но было уже поздно.

– Почему же тревогу не забили в банке, сразу, едва этот неизвестный пришел за деньгами?

Шаман выдохнул струю дыма в сторону.

– А вот здесь самые большие странности и начинаются, – на его губах появилась злая ухмылка. – Как ты знаешь, деньги могут получать только хранители. Об этом знают и директора банков. Так вот деньги получил Федор Трошин! Я не верю ни в какую мистику... – продолжал Шаман и, помолчав, добавил: – Хотя, конечно, казалось бы, должен все-таки верить. Так вот, за день до того, как деньги исчезли, Федя Трошин был застрелен в Питере. Хорошо, что все обошлось тихо. Мы решили подготовить его к погребению по-человечески, у него было обезображено лицо. Лишняя шумиха вокруг его гибели нам была ни к чему. Разумеется, о смерти Трояна никто из банкиров ничего не знал. А когда мы хотели взять деньги на его погребение и панихиду, то они страшно удивились, потому что в тот самый день, когда, казалось бы, он должен был лежать с раздробленным черепом, Троян получал в банке деньги. Причем обставилось все это так же солидно, как и раньше. Деньги загрузили в бронированный грузовичок и в сопровождении охраны отбыли в неизвестном направлении.

– И все-таки я не очень понимаю, как ему удалось получить деньги, потому что только одной физиономии недостаточно. Мало ли похожих людей. Может быть, кто-то надел маску, загримировался под покойного Федю. Всякое бывает!

Святой входил в круг посвященных, поэтому вопрос был задан по существу. Каждый из хранителей обладал именным перстнем, удостоверяющим его статус хранителя воровской кассы, перстень этот он обязан был беречь пуще собственной жизни. Святой помнил случай, когда у одного из хранителей перстень выкрала уличная проститутка. Воры дали ему двадцать четыре часа на возвращение перстня, а когда он не смог этого сделать, то его просто пристрелили на одной из глухих улочек Москвы. Со стороны все это выглядело как обыкновенное ограбление, и только посвященные могли догадываться, что это плата за халатность. Не менее драматично сложилась судьба уличной проститутки. Не подозревая о печальной участи своего клиента и о значении перстня, она заложила перстень в ломбард, запросив за него смехотвор-

ную сумму. Едва ли не всю жизнь простоявшая на площади трех вокзалов, она даже не могла предположить, что огромные прозрачные камушки, которые она воспринимала как дешевое стекло, и есть настоящие бриллианты. А перстень, попади он в Алмазный фонд, не затерялся бы среди множества сверкающих драгоценностей. Заведующий ломбардом испытал настоящий ужас, когда в его кабинет заявили двое законных и потребовали указать счастливую обладательницу перстня. В тот же вечер ее труп отыскивали в мусорном баке с наглухо завязанным на голове полиэтиленовым мешком.

Точно такой же перстень должен был находиться и на пальце Трояна, и, прежде чем вести разговор, он обязан был предъявить его банкиру как вещь, удостоверяющую его особые полномочия. Об истинном назначении перстня знал очень ограниченный круг людей, это было не меньшей тайной, чем сам общак. Шаману и Святому не следовало объясняться, каждый из них сам владел подобной вещью.

– Объясняю, – глухо отозвался Шаман, – банкир божился, что Троян показал ему этот перстень, иначе просто бы не выдал деньги. И это очень походит на правду, потому что эта драгоценность очень запоминающаяся, а таких камушков в России не более полусотни. Да и то половина в Алмазном фонде. И еще – перстень не обнаружился при покойнике. Хотя, сам знаешь, он обязан был его оберегать ценой жизни. Вот такая складывается ситуация. Поневоле пришлось кое-что рассказать пацанам. Все равно многое теперь уже не тайна. Понимаешь, как все сейчас стремно?

Глаза Шамана нехорошо блеснули. Таким напряженным Святой его никогда не видел. О Шамане в кругу воров говорили разное. Например, упорно ходила байка о том, что он собирает мухоморы, сушит их и по старой привычке далеких предков раскуривает, когда бывает в скверном настроении.

Святой не без интереса посмотрел на распечатанную пачку сигарет. Похоже, что разговоры не соответствовали действительности: просыпавшийся табак был отменного качества и ничего общего с суррогатами, продающимися в киосках, не имел.

Все-таки слухи!

Шаман, казалось, догадался о мыслях Герасима – губы его невесело скривились в мрачной улыбке. Широким жестом он стряхнул на пол крошки табака и добавил:

– Уж не чертовщина ли здесь какая? Объяснил бы ты мне, святой отец?

– Не буди лихо, пока оно тихо, – вздохнул Святой. – Говоришь, лицо его обезображено? Правда, не исключено, что Трояна действительно убили из-за перстня. Но о его значении могли знать только самые доверенные.

– В этом-то и беда. Но это еще не все новости. В Монреале неизвестный хакер взломал счет в нашем банке и переправил деньги в Санкт-Петербург, но что самое интересное, в этом банке вновь промелькнула физиономия нашего незабвенного Федора Трошина. Несмотря на свои языческие корни, в душе я все-таки в некоторой степени материалист, и мне трудно поверить, что наш Троян встает из гроба только лишь для того, чтобы хапнуть «капусту». Тем более в загробном мире она ему и не нужна.

Святой невольно поежился. Как и всякий верующий человек, он с опаской относился ко всякой сверхъестественной силе и верил в то, что иногда она способна приобретать самое что ни на есть физическое воплощение.

– Почему же вы его не поймали?

– Как только банкир признал в нем Трояна, он тут же позвонил нам, но мы опоздали всего лишь на несколько минут.

– А не глупо ли ему было появляться в том месте, где его могут опознать?

– Не глупо, – возразил Шаман, дыхнув дымом. – Управляющий банком долгое время находился в заграникомандировке и о смерти Трояна не знал. Возможно, и он купился бы на внешность и перстень, если бы не обычная банковская осторожность. Уж слишком странным

ему показалось, что от него требуют такую сумму, когда он еще не отряхнул с себя дорожную пыль. Обычно от сходяка к нему приходил человек, который или подтверждал прежние договоренности, или, наоборот, отменял их. В этот раз ничего подобного не произошло. Мы попросили управляющего задержать этого «хранителя» под каким-нибудь благовидным предлогом, что тот и сделал. Затем «хранитель» вышел покурить в туалет и больше не возвращался. У него оказалась звериная интуиция, видно, что-то почувствовав, он пролез через окошко и выбрался во двор. А затем спокойненько вышел на соседнюю улицу. Вот так-то!

– Невеселая получается история.

– Чего уж там! – махнул рукой Шаман. – Хуже не придумаешь! Мы стараемся эти дела не предавать огласке и хотим разобраться собственными силами, но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Братва нервничает и требует объяснений, так что, если мы не разберемся с этим в ближайшее время, никакая сила не удержит наши головы на плечах. И потом, найти этих людей – дело чести.

Святой это понимал.

– Ясно. Что еще требуется от меня?

Шаман улыбнулся и спросил:

– Для начала я хочу спросить у тебя, далеко ли ты спрятал свою ряску?

– Ах вот ты о чем... Понимаю. Не беспокойся, сделаю все как нужно.

Глава 9

ЖИЗНЬ СИЛЬНО ИЗМЕНИЛАСЬ

Шаман присмотрел для Святого небольшой тихий домик на самой окраине Москвы. Обещал, что просыпаться он будет не от сигнализации автомобилей, неожиданно сработавшей в ночь, а от песен птиц. Отчасти так оно и получилось. Однажды Герасим долго не мог понять, что за звуки пытаются добраться до его подсознания, а когда наконец сообразил, его обдало холодом. Это трещал автомат, причем грохот был такой отчетливый, будто стреляли недалеко, и он очень удивился тому, что до сих пор еще живой. Смахнув с себя одеяло, Герасим метнулся к окну, ожидая, что следующая очередь непременно раскроит его от лопатки до самого пояса. Герасим на мгновение даже представил, как повалится на окно и, разбив его, упадет изрезанным на подоконник. Но ничего подобного не случилось. Огромный дятел вполне мирно выковыривал из ствола дерева каких-то жучков. Причем временами он так старался, что его стук больше напоминал пулеметную очередь. Вполне мирная картина. Если что и могло удивить, так это отчаянность дятла – птицы, как известно, очень осторожной и пугливой, – все-таки огромный город шумел совсем рядом.

Подумав, Герасим надел на шею крестик. Маленький, зато хорошо намоленный и свой. Надел новую, в полоску, рубашку. Взял со стула брюки, безукоризненно отглаженные, и в который раз поймал себя на мысли, что за долгие годы монашества отвык от гражданской одежды.

Долгие молитвы не сломили осанку – спина по-прежнему прямая, а взгляд тверд и дерзок. Через пятнадцать минут должны были подъехать люди от Шамана, и Герасим хотел их встретить у крыльца готовым к действию. Он напоминал сам себе сжатую пружину, которой достаточно всего лишь небольшого усилия, чтобы мощно распрямиться.

Взял со стола «макаров» – мало ли чего – и привычно сунул его в кобуру под мышкой.

Черный «шестисотый» «Мерседес» подъехал в точно назначенное время. Задние дверцы бесшумно распахнулись, и из салона, тускло улыбаясь, вышел Глухой, а за ним, немного боком, будто краб по песку, проковылял Волина; за рулем, добродушно скалясь, сидел Колода.

– Не ожидал, что так быстро свидимся, – крепко тиснул ладонь Святого Глухой. – Только не надо говорить, что все в руках бога.

Святой невольно улыбнулся.

– Вижу, что ты это знаешь не хуже меня. А наставлять ученого не в моих правилах.

По своим каналам Святой успел навести о Глухом справки. Несколько лет назад, находясь во Владимирском центре, тот пытался получить корону. Рекомендации он имел высокие, от очень уважаемых людей, но когда на запросы пришли малявы, то в одной из них сообщалось, что Глухой не вернул карточного долга. Сумма была небольшой, а для такого опытного игрока, каким был Глухой, – сущие копейки. Но репутация соискателя была значительно подмочена. И напрасно он утверждал, что не сумел отдать долг лишь потому, что его неожиданно перебросили в другой лагерь. Если ты дорожишь своей честью, будь добр, не бегай от долгов, как нерадивый папаша от алиментов. И Глухого презрительно стали называть «сухарь», как человека, не прошедшего коронацию.

– Ладно, куда поедем?

– Давай на Тверскую. Я слышал, там есть неплохие казино.

– А ты слишком азартен для монаха.

У машины Святой остановился и, взявшись за ручку двери, произнес:

– Как ты знаешь, на плечах у каждого человека сидят дьявол и ангел-хранитель. Видно, в этот раз спор между ними выиграл первый.

– И что же ты будешь делать? – усмехнулся Глухой.

– Как и обычно... Помолюсь.

– И часто ты так будешь молиться?

Неожиданно Герасим сделался серьезным. Похоже, подобный вопрос был для него не праздным.

– Несколько лет назад я задал тот же самый вопрос своему настоятелю, когда согрешил очередной раз, и он ответил мне, что нужно каяться и молиться до самой смерти. Вот так-то!

– А ты подковался в религии, – хмыкнул Волина. – С тобой так немного побазаришь, так самому в монастырь захочется... на скудный паек.

– Ладно, погнали, – подал голос Колода, – в дороге побазарим.

* * *

В казино Святой проиграл тысячу долларов. Больше он играть не стал. Азартный по натуре, он осознал, что подобная игра его интересует мало. Она напоминает охоту в заповеднике, где в кармане у клиента есть лицензия на отстрел, но каждый из охотников постоянно помнит о том, что он не должен подстрелить лишнюю дичь, потому что за это могут последовать строгие санкции. Иное дело играть где-нибудь в катране, где каждый катала заряжен по самые уши и десять тысяч баксов воспринимаешь как разовую ставку. Кроме удачной карты, в такой игре важны ловкие руки, крепкие нервы и, конечно же, интуиция. В довершение нужно быть неплохим психологом. Казино почти лишено всего этого, отчего игра получается пресной и малоинтересной.

Святой цепко всматривался в лица игроков. Публика разная: немало встречается мужиков, тертых жизнью и радующихся каждому выигранному рублю, точно дошкольники дармовой конфетке. Хватает и таких, что готовы ставить на кон последние сбережения, но встречаются и другие – в основном молодежь, – что не успели прочувствовать веселящую силу денег и проигрывают со скукой на лице целые состояния. Немало играет женщин – молодых, красивых, по их скучающим лицам было заметно, что они пресытились всеми земными удовольствиями и интерес к жизни пытаются вернуть ценой большого проигрыша. Однако встречались и такие очаровательные малышки, что даже небольшой копеечке радовались так отчаянно, как будто бы им подфартило с целым состоянием.

Святой не без грусти отмечал, что жизнь сильно изменилась. Все масти напрочь перемешались, словно карты в обыкновенной колоде, и даже фраера, у которых никогда не сыскать в карманах больше, чем гнутый целковый, держатся с тузами так, как будто бы имеют немалые счета в банке и являются владельцами золотых приисков. Роль женщин тоже качественно изменилась. Каких-то десять лет назад красивая телка воспринималась как недешевый предмет для удовольствия и некая одушевленная вещь, способная украсить богатое застолье. Сейчас многие дамочки сами при делах, у некоторых имеются очень неслабые покровители, да и сами они научились распоряжаться и смотреть на мужиков как на равноправных партнеров. И очень часто у их красивых ножек мельтешит молодежь, смахивающая повадками на профессиональных альфонсов.

И абсолютно нет никого, кто привлек бы его внимание! Похоже, что и его особой тоже мало интересовались – он не ловил на себе якобы случайно брошенных взглядов, никто не обращался к нему с вопросами и не стоял за спиной, тяжело дыша в самое ухо. Где-то за соседним столиком должны играть Глухой с Волиной, Колода, по договоренности, остался в машине.

Публику можно было бы назвать скучноватой, если бы не молодая брюнетка, играющая в рулетку. Огромное декольте притягивало взгляды, казалось, если заглянуть в него, то запросто можно было бы разглядеть всю ее анатомию. Мужчины без конца косили в ее сторону. При каждом выигрыше она хлопала в ладоши, звонко хохотала и так верила в свою удачу, что даже у самых хронических пессимистов вызывала скупую улыбку. Так же искренне девушка огорчалась во время очередного проигрыша, причем всякий раз на ее лице изображалось такое

негодование, как будто в очень людном месте мерзкие грабители решили освободить ее от нижнего белья.

Игра девушки забавляла. Но не более. Понаблюдав еще немного за экзальтированной дамой, Герасим двинулся в сторону бара.

Молодой лысоватый бармен тщательно протирал бокалы, время от времени поглядывая на посетителей. Взгляд у него был цепкий, профессиональный. Наверняка он уже оценил каждого клиента и знал, на какие чаевые следует рассчитывать.

– Сок... апельсиновый, – сел на вращающийся стул Святой.

Бармен сделал вид, что не расслышал.

– Слишком много алкоголя вредит здоровью, – жестко произнес Герасим. – Мне апельсинового сока.

Бармен разочарованно поморщился. Судя по тому, как держался клиент, можно было не сомневаться, что он закажет бутылку джина, а это всегда пахнет хорошими чаевыми. Ошибся, какая досада.

– Понял, – поспешнее, чем следовало, произнес бармен и налил из фарфорового кувшина в высокий бокал сока.

– Мужчина, у вас не найдется огонька для дамы? – услышал Святой за спиной голос.

Повернувшись, Герасим увидел ту самую экзальтированную брюнетку. Нельзя сказать, что она была хороша собой, многое в ней было как-то чрезмерно. Природа не знала на ней удержу и наградила с избытком: длинные ноги при слишком коротком теле, большие глаза при очень узком личике, черные волосы, цветом напоминающие воронье перо. Неровные тени падали на ее лицо, отчего макияж казался сочнее и гуще. Губы были ярко накрашены, поэтому она производила впечатление весьма вульгарной особы. Вот только голос у нее был мягким и обволакивающим, словно наркотический дурман.

– Я не курю.

– Ах, какие же вы, мужчины, все скучные, – капризно протянула она и опустилась на соседний стул. Короткая юбка задралась, и Святой увидел полоску темно-синих ажурных трусиков.

Женщина не торопилась поправлять подол, и Герасим невольно отвел взгляд в сторону. Он слегка улыбнулся, подумав о том, какие поносные слова подобрал бы для него старый игумен, заметив похоть во взоре.

– Так уж и все? – делано удивился Святой.

Девушка равнодушно сунула сигарету в пачку, а потом поинтересовалась:

– А может быть, вы предложите даме выпить, раз уж мы с вами завели светскую беседу?

Странно, брюнетка совсем не походила на проститутку, стремившуюся снять готового клиента. По тому, как она была одета, по украшениям, которые запросто умещались в шестизначное число долларового эквивалента, счет деньгам она знала. А может, нравы за последние десять лет настолько изменились, что состоятельной женщине позволено снимать в баре понравившегося мужчину под одобрительные взгляды завсегдатаев?

Герасим уже открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь поучительное из библейских мудростей, но тут его взгляд упал на левую руку девушки. На безымянном пальце у нее поблескивал перстень с бриллиантом величиной с лесной орех. Его Святой видел не однажды, и принадлежал он Федору Трошину. Причем заметно было, что перстень брюнетке был явно великоват, поэтому перед ним она надела узкое колечко с мелкими изумрудами. Как бы случайно девушка положила ладонь на стойку, давая Святому убедиться в подлинности камня. Сомнений быть не могло, это тот самый перстень, который сверкал на пальце Трояна. Но как он попал к ней? Святой удержался от вопроса, который вертелся у него на языке, и поднял два пальца. Бармен отреагировал мгновенно, плеснув в бокалы дорогого коктейля.

Похоже, девушка даже не подозревала о подлинном значении перстня. Взяв бокал, она безжалостно царапнула камнем о стойку и пригубила коктейль – медленно и осторожно.

– У вас неплохой вкус.

– Я знал, что такие женщины, как вы, предпочитают самое лучшее.

Этот перстень Троян не мог подарить или, скажем, проиграть. Разве можно представить, чтобы царствующая особа потеряла державное яблоко или скипетр. Но если на такого самодержца дворцовая челядь посмотрит разве что с улыбкой, то с вора, не сумевшего уберечь перстень хранителя, спрос будет очень строгим.

– У вас очень красивый перстень, – проговорил Святой, отпив небольшой глоток. – Камень настоящий?

– Неужели вы думаете, что такая дама, как я, будет носить дешевую бижутерию? – с вызовом произнесла брюнетка.

Похоже, для нее перстень был обыкновенной красивой вещицей, которой можно похвастаться перед такими же искательницами приключений, как и она сама.

– Очевидно, такой камень стоит целое состояние?

Примерно такой же перстень был у него самого. Ну, может, бриллиант немножечко поскромнее, а корона с несколькими лучами, выгравированная в самом верху, точно такая же. На внутренней стороне перстня должны стоять инициалы владельца, и Святой еле удержался, чтобы не стянуть перстень с пальца девушки.

У шестнадцати человек были такие перстни. Десять человек уже были мертвы. И куда они спрятали свои перстни, уже не узнаешь.

– Однажды мне предлагали за него «Мерседес», – без лишней скромности сообщила девица, – но это украшение стоит гораздо дороже.

Впрочем, был еще один перстень – у самого казначея, Барина, невысокого дядьки лет пятидесяти. Но вместо бриллианта он предпочел крупный изумруд.

Кураторам регионов и смотрящим городов было известно, что владелец подобного знака отличия обладает немалой властью: он вправе единолично созывать сход, выступать в роли третейского судьи и, если понадобится, карать виноватых. Но даже по сравнению с хранителями казначей обладал почти монаршей властью.

– А если я предложу вам за него два «Мерседеса»? – неожиданно серьезно произнес Святой.

В глазах женщины Герасим прочитал нечто похожее на смятение, в следующую секунду она произнесла с улыбкой:

– Я согласна. Так где будет происходить наша сделка? – случайно или нет, но она посмотрела как раз в ту сторону, где играли в карты Глухой с Вольной. – Здесь слишком много народу.

А то, что произошло в следующую секунду, не поддавалось объяснению – она повернула перстень камнем ко внутренней стороне ладони, а растопыренную ладонь плавно положила на стол. Таким образом хранители предупреждали об опасности. Если это опять случайность, то не слишком ли их много за сегодняшний вечер.

Девушка неожиданно поднялась и развязной походкой направилась к выходу. Надо бы было схватить ее за руку, расспросить, каким образом к ней попал перстень, но что-то запретило Святому поступить таким образом.

Он сделал глоток, второй... В этот раз коктейль не показался ему изысканным напитком. Обыкновенное пойло. Монастырская наливка, настоящая на морошке и клюкве, куда поприятнее. Да и физиономия бармена не из обаятельных – приторная, словно переслащенный чай. Наверняка рассчитывает на добрые чаевые, а вот этого ему не видать!

Герасим с раздражением отодвинул бокал, и он скользнул по стойке бара.

Вольна с Глухим выглядели увлеченными игрой. По их довольным лицам чувствовалось, что карта к ним шла. Причем Вольна держался с некоторой хитрецей, как будто прятал в

руках пятого туза. Дважды они обменялись знаками, незаметными для неискушенного наблюдателя, – обыкновенное движение пальцев, какое встречается в каждой игре. Но Святой мгновенно расшифровал поданные «маяки»: ходи с крестей, четыре взятки мои. Милая шаловливая забава взрослых людей. Он поднялся, намереваясь догнать брюнетку.

Неожиданно в соседнем зале раздался крик. Отчаянный, резкий. А в следующую секунду послышался еще один отчаянный вопль, заставивший передернуться даже самых увлеченных игроков.

Святой прошел в игровой зал. Предчувствия не обманули его: в центре зала лежала брюнетка, вокруг с перекошенными лицами застыли посетители. На левой стороне груди девицы медленно расплывалось алое пятно, заливая шелк платья. Герасим посмотрел на ее руки: перстня на безымянном пальце не было.

– Пойдем отсюда, – раздался над ухом голос Глухого, – сейчас сюда менты привалят. Не хватало еще светиться по глупости. – И уже со вздохом, в котором ощущалось обыкновенное человеческое участие, добавил: – Жаль! Такую бабу замочили!

Уже выйдя из казино, Петр Глухов поинтересовался:

– Это случаем не та баба, которая к тебе подходила?

Святой повернулся. У входа в казино царило безмятежное спокойствие: двое вышибал любезничали с высокой блондинкой, еще трое парней стояли здесь же и о чем-то непринужденно разговаривали. Или ужасная новость еще не выпорхнула из казино, или в этом заведении смерть очаровательной женщины всего лишь очередное досадное недоразумение. Нет, похоже, встревожились. Из двери выглянула растерянная физиономия, что-то быстро крикнула, и один из охранников заторопился в казино. Трое рослых парней, побросав окурки, последовали за вышибалой.

– Представь... она самая, – сказал Святой, неожиданно голос его взволнованно дрогнул.

– Что же она от тебя хотела?

Герасим уже хотел было рассказать Глухому о перстне, но раздумал. Глухой не был вором. Всего лишь обыкновенная пристяжь, которая сопровождает по жизни всякого законного, а следовательно, не входил в число посвященных. И так он уже чересчур много знает.

– Договаривалась со мной.

– И что? – не без интереса спросил Глухой.

– Она мне понравилась, – как можно равнодушнее произнес Святой. И вновь почувствовал, что не удалось, – в голосе послышалась какая-то ненужная интонация.

– Заметно. Вижу, что ты запал на нее. Только кто ее уделал, вот в чем вопрос, – веско высказался Волына.

Колода сидел на водительском месте, откинув голову. Безмятежная поза профессионального водителя, который устал от бесконечных дел своего хозяина и теперь терпеливо дожидался окончания дня.

Подойдя к машине, Святой увидел, что Колода мертв. На левом виске темнело небольшое пулевое отверстие, вокруг которого запеклась кровь.

– Не останавливаться, – не оборачиваясь, произнес Святой, – проходим мимо машины. Колода убит.

Глухой, похоже, тоже разглядел, что Колода убит, и, не сбавляя шага, проследовал за Святым.

Не сговариваясь, они шли еще минут десять, выбирая самые затемненные места. Где-то далеко за их спинами раздалась сирена «Скорой помощи». Минутой позже послышалась раздраженная милицейская речь из мегафона. Наверняка казино уже блокировали омоновцы, и сейчас посетители пытались выйти через оцепление.

– Давай остановимся, – взмолился Глухой в каком-то дворе, – покурить охота.

Сели на скамейку. Петр Глухов достал сигареты, руки его слегка дрожали. Он с наслаждением закурил, потом предложил сигарету Вольте.

Святой присел на скамейку, стоящую напротив. Расстояние между скамьями было небольшое, и они сидели, едва не касаясь коленками друг друга.

– Значит, Колоды больше нет, – первым нарушил молчание Герасим.

– Кто же его заделал? Узнаю, урою суку! – хмуро пообещал Глухой, с трудом справляясь с ознобом.

– Может, это как-то связано с общаком? – спросил Герасим. Он решил проверить своих спутников. Доверять никому нельзя.

– Не похоже, – подумав, отвечал Глухой, – с общаком он связан не был.

– Постой, – встрепенулся Вольта. – Как это не был? А вот вспомни. Лет шесть назад его привлекал как-то Барин, сделал даже хранителем на полгода. А потом убрал. Объяснил, что он не законный, мол, статус не тот. Дескать, братва не поймет. Для Колоды, конечно же, обидно было, но что делать, понятия для всех писаны.

– Ну и вечерок сегодня, однако! Парочка трупов один за другим, – горестно выдохнул Глухой. – Не понравится это Шаману, бля буду, не понравится.

– А как там с машиной? – спросил Герасим. – Нас по машине не вычислят?

– Здесь все в ажуре, – немного успокоившись, произнес Глухой. – Тачка была на Колоду записана. На нас не выйдут. Считут за обычные разборки.

– Но как же он подпустил его к себе? – посетовал Вольта. – Ведь Колода всегда уху остро держал. Под сиденьем ствол хранил и палил из него при малейшей опасности.

– Значит, он этому человеку доверял, – задумчиво произнес Святой. Дым щекотал ноздри, остро воскрешая память о былой привязанности. И Святой огромным усилием воли удержал себя от соблазна выкурить сигарету.

– Вот что, доложите обо всем Шаману... и о женщине этой убитой тоже... Может, здесь связь какая-то прослеживается.

– Мне тоже так глянулось, – охотно согласился Глухой. – Эту бабу-то я сразу заметил, она вслед за нами вошла, на белой «девятке» подъехала. С ней рядом какой-то фраер крутился, длинноносый, когда она играла. Может, он ее и замочил? – посмотрел на Святого Глухой.

– Очень может быть... Вот что, вы езжайте к Шаману, а у меня еще кое-какие дела имеются. Скажите ему, что объявлюсь через пару-тройку дней.

– А ты куда, – отбросил в сторону окурок Глухой, – может, мы тебе чем-то можем помочь?

– Вряд ли, – покачал головой Святой, – есть такие вещи, которые нужно делать одному.

Глава 10

ТАЙНА СВЯТЫХ ПЕЩЕР

Святые пещеры находились на территории мужского Печорского монастыря. Седьмое столетие кряду они служили чернецам усыпальницей. Мощи, уложенные в домовины, оберегались многими поколениями монахов как самые большие святыни. Воздух в пещере был сухой, благодатный, и тела, хранившиеся без погребения, не подвергались тлену.

В самом дальнем конце пещер был небольшой уголок, где воры хоронили законных. Место было выкуплено у епархии за немалые деньги. Погребение, как правило, происходило скромно, а гроб с законным сопровождало всего лишь несколько человек, самых близких. В Печорский монастырь делалось очередное пожертвование, покойник, отпетый по православному обычаю, обряжался в холщовый саван и помещался в одну из ниш.

Именно Герасиму пришла в голову идея захоронения законных в монастырских пещерах; именно он вел переговоры с церковным начальством, обещая восстановить порушенные храмы и ежегодно делать в казну немалые отчисления. Взамен просилось немного: молиться о загубленных душах, чтобы благодатный свет сошел на них и не дал затеряться во мраке безвременья.

Игуменом Печорского монастыря был отец Яков – мужчина лет семидесяти: крепкий, с мускулистыми руками, с простецкой крестьянской лукавинкой в глазах. Казалось, он готов был пойти на сговор с самим дьяволом, лишь бы вернуть прежнее величие некогда могущественному монастырю. И когда к нему приходил Герасим, Яков ни о чем его не спрашивал, а приветчал так, как если бы в стены монастыря пожаловал сам владыка.

Усилиями законных монастырь понемногу одевался в прежние богатые одежды, а маковки главного собора даже покрыли сусальным золотом.

Прежде игумен видел Герасима в мирской одежде, подчас совсем далекой от официальных норм. В дорогу Герасим одевался просто, не гнушался обыкновенными джинсами и кроссовками. И сейчас Святому интересно было узнать, а сумеет ли признать его отец Яков в монашеском платье.

Святой сошел на знакомой станции. Отсюда, если пешком, до монастыря часа полтора. Недалеко небольшой городишко, где самая ходовая специальность лесоруб. Девки здесь маялись от безделья и едва ли не колоннами выстраивались у трассы в надежде подзаработать на кусок хлеба. Несколько девиц промышляло и на вокзале. Их было заметно издали по вызывающим нарядам и яркой косметике. И лесорубы, соскучившиеся по женскому участию, направлялись к ним, как корабли на свет маяка.

Святой едва сошел на перрон, как к нему подскочила девица лет двадцати пяти и, одним взглядом определив в нем денежного клиента, слегка гнусаво протянула:

– Молодой человек, сигареткой не угостите?

Девушку можно было бы назвать симпатичной, если бы не румяна, безвкусно размазанные по широким скулам, а толстый слой белил делал ее лицо похожим на гипсовую маску.

– Отчего же не угостить? – охотно отозвался Герасим. – Только мне переодеться нужно... чтобы потом предаться всем возможным удовольствиям, – и многозначительно улыбнулся.

– Какой вы интересный, мужчина, – девушка кокетливо махнула рукой, голос ее при этом сделался совсем гнусавым, как будто бы ее мгновенно продуло всеми северными ветрами сразу. – Вы и так очень хороши.

– Мне этого мало, я хочу выглядеть неотразимым, – усмехнулся Святой.

– Ну, тогда вам нужно в мужскую комнату, она во-он в том конце здания.

– Спасибо. – Герасим направился в указанном направлении.

– Я буду тебя ждать, – пообещала женщина.

– Непременно, – серьезно ответил Герасим, – нам будет о чем поговорить.

Святой прошел в туалет. Он внимательно оценил себя в зеркале. В добротном джинсовом костюме, с короткой ухоженной бородкой, он больше напоминал фраера при делах, чем законного. Он не мог назвать себя красавцем, но что-то в нем было такое, отчего женщины липли к нему. Возможно, одних подкупала в нем мужественная внешность, других – вера в щедрое вознаграждение за доставленное удовольствие. Не далее как вчерашним вечером в его купе заглянула разбитная проводница с бутылкой водки. Как потом выяснилось, под служебным халатиком у нее не оказалось нижнего белья, что весьма облегчило процедуру раздевания.

Святой не без улыбки подумал о том, какое впечатление произведет на провинциальную путану его облачение. В его просторной спортивной сумке лежала ряса монаха. Обрядившись в нее, Святой вдруг испытал странное состояние – будто он вернулся домой после долгой разлуки.

Подхватив сумку, он еще раз подошел к зеркалу. Чернец с дорожной сумкой ядовито-оранжевого цвета представлял собой странное зрелище. Надо было бы подумать об этом пораньше. «А впрочем, какая разница! – в сердцах махнул рукой Герасим. – Каких только чудачков сейчас не встретишь на российских дорогах».

Открыв дверь, Герасим с достоинством, присущим служителям церкви, вышел в зал. Девушка с алым ртом терпеливо поджидала его неподалеку. Она восторженно обернулась на звук отворяемой двери, но, заметив выходящего монаха, изменилась в лице.

– Может быть, покаяться хочешь, дочь моя? – безо всякого юродства произнес Герасим, подходя ближе.

– Мать честная, да ты никак ли монах! – ахнула девушка, отступая.

– Отпускаю тебе грехи, дочь моя, – Герасим трижды перекрестил заблудшую и под удивленными взглядами немногих свидетелей покинул вокзал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.